

ЗАВРИН ДАНИИЛ

Бар Чеширски

История одного кота

Даниил Заврин

Бар Чеширски.

История одного кота

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39445037

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-98138-6

Аннотация

Америка, мрачный дождливый Нью-Йорк. В город идет вливание нового наркотика, в котором, кажется, заинтересованы все. Только не детектив Бар Чеширски. Этот немолодой уже, кот потерял всё в этой жизни: родителей и любимую жену... Всё, кроме, пожалуй, своей чести, совести и твёрдых принципов. Поэтому он пойдет до конца в борьбе с преступностью и узнает, сладка ли месть, вынашиваемая годами по отношению к своему отчиму. Проверит, может ли кот испытывать уважение к собаке. И, самое главное, пройдет сложнейшее испытание: власть или устарелые принципы? Рисунок Борис Грох

Содержание

Часть первая	5
Глава первая. Собачья жалость	5
Глава вторая. Тридцать седьмой участок	13
Глава третья. Обезьяний притон	21
Глава четвертая. Встреча друзей	29
Глава пятая. Эротичный скунс	36
Глава шестая. Пьяная Сара	44
Глава седьмая. Толстопуз	50
Глава восьмая. Бегемот Дэви	55
Глава девятая. Два друга	60
Глава десятая. Большая кошка	66
Глава одиннадцатая. Барни	70
Глава двенадцатая. Леопард. Енот. Утопек	78
Глава тринадцатая. Богатые звери	82
Глава четырнадцатая. Хензо	89
Глава пятнадцатая. Вторая встреча	94
Глава шестнадцатая. Милтон	100
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Даниил Заврин
Бар Чеширски.
История одного кота

От автора: Эта книга посвящается моей маме, Анне Ильичне. Мама, я всё-таки стал писателем

Часть первая

Глава первая. Собачья жалость

Детектив Бар Чеширски сидел за столом и молча рассматривал свою черную лапу. Наспех перебинтованная, она так и не переставала болеть, раздражая своим сломанным когтем. Черная дворняга Гарри сделал все, чтобы вывести Бара из себя. Чеширски отодвинул верхний ящик рабочего стола и вытащил порядком засохшую рыбу вместе с сигареткой – она выравнивала всё, что угодно.

Закурив, он откинулся на стуле и выпустил густое облако дыма в потолок. Широкая морда моментально расплылась в блаженной улыбке – курение, скорее всего, было бы последним, от чего он мог бы отказаться в этой жизни. Лениво повернув голову, он заметил недовольную физиономию старого толстяка Бронкса, привычно распекающего утренний патруль сквозь пыльное стекло своего офиса.

Ох, бедный, бедный старый Бронкс. Все, что он сейчас может, так это вываливать свою мокрую шерсть на новичков, пугливо озирающихся по сторонам и поджавших мокрые после дождя хвосты. Куда ему рвать глотку на настоящих детективов, только что закрывших дело черного дворняги. Чеширски снова посмотрел на больной коготь. Мерзкий бан-

дит царапался до самого конца, пока, наконец, не пролетел несколько этажей, смачно разбив пузом старую реку.

– Извините, это вы детектив чеширский? – что-то неожиданно, словно кусок мокрой кошачьей шерсти, брякнулось с ним рядом.

Бара словно передернуло, моментально смыв все утреннее блаженство. Он ненавидел это обращение, подменявшее его настоящую фамилию на выдуманную породу кошек. Старая шутка, которую он так и не смог вывести из лексикона своих сослуживцев. Поискав глазами шутников, Бар заметил ухмыляющихся Хенски и Понски – двух тупых собак, непонятно как прослуживших в управлении по десять лет. Эх, видно, ничему их прежний опыт не учит, одно слово – собаки.

– Чеширски, мэм! Не чеширский, а Чеширски, – недовольно бросил он, не поднимая головы.

– Очень приятно, детектив Чеширски, а я – Эльза. И у меня к вам неотложное дело, – мягко добавила собака.

Бар посмотрел вниз. Длинные рыжие ноги, рыжего цвета чулки. Юбка. Он нехотя вернулся в привычную работу и, убрав сигарету, прогнал лапой густой дым. Работа есть работа, пусть ему и не нравятся собаки.

– Что у вас, Эльза? – буркнул Бар, услужливо указывая ей на стул. Эльза аккуратно присела.

Это была высокородная самка колли с ухоженной рыжей мордой и длинными подкрученными волосами.

«Интересно, кто же подсунул это самку? Бронкс? От тол-

стяка можно было, конечно, этого ожидать, но он уже так давно этим не баловался. Хенски и Понч? Нет, два дундука могут лишь неправильно назвать его фамилию, но у них не хватит смелости решить за Бронкса, кому передать дело. Впрочем, что гадать, она сама сейчас все расскажет» – подумал Бар и повернулся к колли, задумчиво сложив мохнатые лапы в домик, приготовившись выслушать очередную историю о пропавшем ошейнике.

– Сэр, дело в том, что мне сказали, что вы лучший кошащий детектив, а я, знаете ли, очень разбираюсь в рекомендациях, я всегда следую рекомендациям, так как еще мой отец говорил, насколько важно мнение компетентных зверей...

– Эльза, у меня мало времени, ближе к делу, – оборвал её Бар, с трудом выдавив улыбку.

– Хорошо, хорошо, – сказала колли, убрав выступившую слезу белым изящным платочком. – Меня предупреждали, что вы крайне грубы, но, Святая Собака, это совершенно не имеет значения в сложившейся ситуации. Дело касается жизни и смерти, и ту боль, которую я испытала, нельзя просто так оставить без наказания.

– Ближе к делу.

– Хорошо, я поняла, детектив. В общем, посмотрите вот сюда, – тихо сказал она, передав ему несколько фотографий.

Бар лениво взял одну из фотографий и вдруг почувствовал, как его шерсть встает дыбом. На ней была корзинка с мертвыми мокрыми котятками, аккуратно поставленная на

ступеньки перед крыльцом. Бар заворуженно уставился на маленькие трупки. На повязке выступила кровь, обломанный коготь выполз наружу.

– Когда это произошло? – тихо спросил он чужим голосом.

– Три дня назад.

– И кто ведет дело?

– Бред Джорски, детектив тридцать седьмого участка. Он сказал, что это привычная картина и налицо чистой воды помешательство, поэтому дело придётся закрыть. Дело в том, что это котята моей служанки Сары Дулитл, а она действительно была немного не в себе. Но вот так поставить своих котят перед домом – это даже на неё не похоже.

– А где она сейчас?

– Я уволила её. Скорее всего, сидит дома. Недавно я отнесла ей немного денег. И она была в тот момент там.

– Хотели откупиться? Как это похоже на собак, – зло бросил Бар, рассматривая фотографии котят. – Мне нужен адрес вашей служанки и ваш контактный телефон.

– Конечно, конечно! Вот они. И ещё, если бы я хотела откупиться, то я вряд ли пришла к вам, – гордо заметила Эльза.

– Возможно, – ответил Чеширски, снимая с вешалки коричневое пальто. – А напомните мне, кто вас ко мне прислал?

– Шах Пятницы, – тихо сказала колли.

Бар мысленно перебрал всех старых знакомых. Кажется,

это был большой пятнистый барс, с которым они пару раз пересекались по делу обезьян. Но с чего вдруг отдавать подобное дело ему? Пусть даже он поменьше работает в полиции, но вёл дела не хуже, нисколько не смущаясь подкупленной братии.

– Но почему он не ведет его сам?

– Его убили, – тихо сказала Колли, снова смахивая слезы. – Кто-то выпустил по нему всю обойму прямо возле подъезда.

Бар замер с вытянутой в рукав лапой. Убили? Копа? Чеширски автоматически убрал пальто обратно в шкаф и посмотрел в сторону офиса Бронкса, который тут же отпрянул от стекла, проявив при этом несвойственную ему прыть.

– Минуту, мэм, – бросил Бар, отодвигая колли вместе со стулом.

– Эльза.

– Неважно, – сказал Бар, не обращая на неё никакого внимания. Теперь им владело лишь одно желание – увидеть сэра Милтона Бронкса, своего непосредственного начальника. Ведь он наверняка знал, что Пятницки давно ловит рыб...

Подойдя к двери кабинета, Бар несколько раз подёргал за ручку. Закрыто. Чеширски заглянул в окно. Толстый Милтон всюю распекал молодёжь, выставив свою толстую волосатую спину. Бар устало вздохнул и постучал по стеклу. Эти детские выходки уже начинали его утомлять. Милтон недовольно повернулся и, облизнув языком широкую сиамскую

морду, открыл двери.

– Ну, что тебе надо? Не видишь, я занят, – недовольно буркнул Милтон.

– Ты слышал, что Шаха расстреляли? – сразу же выдал Чеширски.

Милтон несколько секунд молчал, затем повернулся к молодым и жестом попросил их выйти. Выпуская патрульных, Чеширски подвинулся, – со своей широкой спиной он вечно не мог протолкнуться в этих узких старых кабинетах.

– Слышал.

– И?

– Что и? Я что, должен был тебе доложиться?

– Мог хотя бы сказать, по-дружески.

– А ты что, уже работаешь во внутреннем отделе?

– Значит, так мы теперь себя ведем, да?

Бар присел напротив стола Милтона и, положив ногу на ногу, широко улыбнулся, обнажив яркие белые клыки. Он чувствовал, как волнуется его шеф и предпочел не спешить, доверив тому право совершить ошибку.

– Капитан, дело не в том, кто расследует это дело – наш отдел или другой. Шах был моим коллегой, поэтому я не могу спустить это дело на тормозах. Это вопрос чести. Если вы, конечно, помните, что это.

– Замолчи Чеширски, мы знакомы уже как десять лет! Кому, как не мне, знать твои фокусы. Ты думаешь, я не понимаю, как ты поведешь себя? Поступило распоряжение, дело

передано в руки внутреннего отдела. И все! Если не хочешь проблем, займись своими делами. А это даже не наша забота, тридцать седьмой сам разберётся с этим.

– Каких проблем, капитан? – спокойно спросил Бар, сохраняя полную невозмутимость. – Я, в отличие от вас, не боюсь проблем и всегда хочу о них услышать напрямую. Глаза в глаза, капитан. Вы же меня знаете.

– Бар, что ты от меня хочешь? – начал кипятиться Милтон.

– Хочу знать, почему ты мне не сказал, что Шаха застрелили. С каких пор мы вообще такие вещи не замечаем? К тому же там котята, а вы знаете, как я не люблю этого. Господи, Святая Кошка, это просто ядерный коктейль.

– Это дело тридцать седьмого участка, а не твое, Бар. Я серьёзно, у нас своего говна хватает. Мне вот все уши прожужжали изнасилованной коровой, а она, между прочим, была беременна. Ничем не хуже мёртвых котят, займись лучше этим.

– Сэр, коровы всегда вызывающе одеваются. Не говоря уже о том, что никогда не прячут своего вымени. И, к тому же, я занимаюсь убийствами, а не изнасилованиями. Но знаете, в чём-то вы, пожалуй, правы, это действительно дело тридцать седьмого участка. А, стало быть, зачем мне своим любопытным носом создавать вам проблемы, верно?

– Верно, – подозрительно сощурился Милтон.

– И я о том же. Сколько я не был в отпуске? Года три?

Пора отдохнуть, сэр, у меня так болит спина, ей остро необходим отдых. Да и я давно хотел съездить куда-нибудь.

– Не бери это дело, Бар, – исподлобья посмотрел на него Милтон, явно не желая отпускать его в заслуженный отпуск. – Как ты не понимаешь, не для твоей усатой морды оно.

– Смерть усатого должен расследовать усатый, сэр! Так было всегда, – улыбнувшись, сказал Бар. – Заявление я оставляю на столе, насколько я понимаю, так будет проще всем.

– Я могу тебя отговорить?

– А у вас хоть раз получалось, капитан? – спросил Бар, не скрывая улыбку.

Милтон покачал головой и махнул лапой, мол, делай, что хочешь. Кивнув, Бар вышел из кабинета. Теперь оставалось дело за малым – найти убийцу и посадить ублюдка лет на сорок, предварительно сломав ему хвост в двух или трёх местах.

Глава вторая. Тридцать седьмой участок

Тридцать седьмой участок был одним из самых больших, так как располагался в центре города и поэтому просто не мог быть непрезентабельным. Бар понимал, что первым делом надо заглянуть сюда, пока Милтон ещё не везде сунул свой мохнатый нос. Убрав лапы в карманы брюк, он легкой походкой прошёлся по ступенькам и резко открыл двери, из которых сразу понесло запахом пота, духотой и теплым спертый воздухом устало работающего кондиционера.

Брэд Джорски сидел по центру. Это был крупный горный козел с огромными рогами. Бар встречал его и раньше, когда заходил к Пятницки за документами – покойный Шах не любил курьеров и предпочитал передавать данные лично в руки.

– Добрый день, детектив, – развернувшись в кресле и откидывая свою крупную голову, поздоровался Джорски. – Чем обязаны вашему визиту?

– Я тут узнал, что ты ведешь дело Шаха.

– И?

– Я бы хотел с ним ознакомиться.

– Извините, детектив, но дело закрыто за недостатком улик.

– С чего вдруг?

– Я же пояснил – нет улик.

– А детские трупы?

– Тише, детектив, вы не в своем участке, возможно, мой коллега и флиртовал с вами, делясь информацией по нашим делам, но, увы, такого больше не будет – у вас своя богадельня, у нас своя.

Джорски улыбнулся своей широкой козлиной улыбкой. Бар поморщился – зубы были ровные, неопасные, специально заточенные под нудное долгое пережевывание пищи. Плюс несло непонятно чем изо рта.

– Послушайте, козел, мне очень нужны данные по этому делу, – тихо произнес Бар.

Джорски встал и выпрямился. Ростом он был около двух метров, да и в спине не уступал Бару. Насмешливо сложив руки на груди, перекачанный коп с мерзкой длинной бородкой и выпученными глазами нагло улыбнулся.

– Какие-то проблемы, котяра?

– Да, мне нужны материалы по делу, а один коп-козел их не дает.

– Я же тебе объяснил, твои походы сюда закончились.

– Всё-таки не зря у тебя такие большие рога. Видно, не мне одному ты неприятен.

Глаза Джорски моментально налились кровью. Бару даже показалось, что всё-таки его мать нет-нет, да и согрешила с быком, наделив своего сына этой изящной способностью заливать красным цветом радужки глаз. Ну что ж, винить тут

её не за что.

– Так, брейк, что тут у нас происходит? – буркнул Арни Вальс, поднявшись над обоими на голову. Это был огромного роста носорог с отполированным до блеска рогом. И Бар, и Джорски сразу замолчали, так как оба знали, что самое глупое – это раздражать носорога.

– Детектив Чеширски решил, что может вот так запросто прийти и потребовать материал по делу Пятницы, а я ему, соответственно, отказал.

– Это согласовано с вашим начальством? – хмуро спросил Арни, повернувшись к Бару.

– Нет, это моя личная инициатива, связанная со смертью коллеги, – ответил Бар.

– Да, смерть никого не оставит равнодушным, – сказал Арни, показывая на свой кабинет. – Пойдем, побеседуем, а то как-то неправильно ругаться посреди белого дня в полицейском участке.

– Как скажете, капитан, – согласился Бар и, повернувшись к Джорски, добавил: – Я просто не к тому зашел. Это бывает.

Когда они вошли внутрь, Арни мягко закрыл дверь и сел за большой дубовый стол, лапой пригласив Бара присесть напротив. Убедившись, что гостю удобно, носорог похрустел массивной шеей, еле проглядывающейся из больших кожных складок, и показал на старую фотографию на стене. Бар уже видел её, на ней были две сборные с обоих участков.

– Видишь, Бар, раньше отношения были куда лучше, чем

сейчас. Но время беспощадно, теперь молодые уже не помнят, как мы играли в футбол. Впрочем, я, наверное, не совсем прав. В самом городе что-то изменилось, а уж затем изменило и нас, копов. Возможно, поэтому меня радуют такие ребята, как ты и Шах. Старая школа, вы цените полицейскую солидарность. Да-да, не удивляйся, я всё о вас знал. Просто я всегда считал это нормальным явлением. Бюрократия – бюрократией, а полицейские – всё равно одна сплошная семья.

– Не все так считают, сэр.

– Да и бог с ними, с убогими! Дураков всегда хватало. Их даже силой не заставить следовать традициям.

– Капитан, вы не производите впечатления зверя, которому не под силу заставить подчинённых следовать чему-то.

– Да, согласен, я ещё не совсем стар. Но знаешь такую поговорку, что вода камень точит? Ну, так и со мной. Прошлое уходит, коллектив меняется, теперь у них новые идеалы, все хотят отличиться и залезть повыше как можно быстрее. У молодых в головах лишь деньги, места для чести совсем не осталось.

– Такие, как Джорски?

– Да, такие, как он, – Арни недовольно посмотрел сквозь стекло. – Этот парень первым побегал во внутренний отдел к офисным крысам. Сказал, что, скорее всего, застрелили свои же. А я ведь твердо знаю, что в моем участке нет такого.

– Сэр, вы и без меня знаете, что это возможно, – осторож-

но возразил Бар.

– А я тебе говорю, что нет у меня такого. Да, кто-то берет деньги – не без греха, но чтобы убить, извините, это явный перебор. Впрочем, откровения на потом оставим, я тебя не для этого пригласил в кабинет. У меня есть копии всех дел, которые мне интересны, – Арни отодвинул ящик стола и вытащил худую папку. – Вот, посмотри.

Бар пододвинулся. Это было дело котят, то самое, которое вёл Пятницы.

– Правда, тут немного. Джорски не особенно стремился что-то узнать, – заметил Арни, поглядывая на фотографию на стене. – Знаешь, а ведь мы тогда выиграли. Я лично забил последний гол. Помню, Милтон вместе с мячом влетел в ворота.

– Сэр, а почему бы вам снова не организовать матч?

– Иногда что-то надо отпускать, вспоминая добрым словом, Бар. Ты ещё слишком молод для понимания таких вещей, но это мне в тебе и нравится. Я даю тебе десять минут на изучение этого дела. А потом сделаем вид, что я вставил тебе изрядных люлей.

– Договорились, – сказал Бар и принялся листать папку.

Первое, что ему сразу бросилось в глаза – это отпечатки. Обычно в таких случаях находят отпечатки одного зверя, тут же – целых двух. Это было весьма необычно. Причем одного владельца отпечатков нашли – это был Барни Хикокс, обычный мелкий кот-жулик из промышленного района. Бар уже

встречался с ним, и мимолетного взгляда было достаточно, чтобы понять, что такой кот никогда не пойдёт на убийство. Другое дело, как он связан с Сарой? Бар искал её адрес. Хавьен авеню, 10. Следовало заехать к этой крошке. Он поднял глаза на Арни.

– Сэр, а касательно Барни? Я так полагаю, его не искали?

– Ну, почему же, запрос сделали. Объявили в розыск. Но ты сам знаешь, как это происходит, объявить-то объявили, а вот ты попробуй найди его в городе. Шах вроде вышел на след этого мерзавца, но потом его убили.

– Хотите сказать, у мелкого воришки завелась такая крыша, что убивает копов?

– По всей видимости, да, – сказал Арни, с улыбкой смотря на него. Улыбались носороги, конечно, страшно.

– А что со вторыми? Я вижу, что владелец так и не был найден.

– Да, в картотеке его нет. Так что лучше всего найти этого Барни и хорошенько его расспросить. Уверен, при правильном подходе он быстро расколется.

– Да, сэр. Так я и сделаю.

– Не за что, Бар, не за что. Обращайся.

Бар поднялся и пошёл было к выходу. Но затем развернулся и ещё раз посмотрел на грузного капитана, мечтательно уставившегося на черно-белую картинку. Завернутые белые рукава, огромные руки, запотевшая рубашка с подтяжками и кобурой, размером с его голову, никак не выдавали

в нём зашуганного начальством труса. И всё же, он сдался, кинув ему под видом геройского поступка жалкую папку с начатым делом.

– Что-нибудь ещё, Чеширски? – не поворачивая головы, спросил Арни.

– Да нет, сэр. Просто вот подумал: куда же мы катимся, если по убийству котят всё, что было сделано – это подано объявление в розыск. Я, конечно, понимаю, что это котята бедной кошки из промышленного района, бог весть какой выводок. Но ведь формально это даже не просто убийство, а целая серия, причем малолеток. Вы были правы, город изменился, а вместе с ним и вы, – с горечью сказал Бар, выходя из офиса.

Последующие три часа он просидел напротив тридцать седьмого участка, карауля Джорски, который, как и любой копытный, предпочитал передвигаться на своих конечностях. С одной стороны, это было очень хорошо, проследить за ним не составит особого труда. С другой – Бар терпеть не мог выслеживать на своих двоих. Ходьба на длинные дистанции вызывала у него подкожную неприязнь.

Конечно, искать Барни – не дурная идея, но она подождет, а вот напуганный Джорски – нет. Конечно, продажный козел мог позвонить своему нанимателю по телефону, а не нестись с новостью о его приходе лично. Но рогатые на редкость тупые животные и по большей части суетливы. И осознав, что за дело взялся такой умный кот как он, запросто могли со-

рваться на встречу со своими нанимателями лично.

Бар ещё раз проводил взглядом эффектную официантку и снова посмотрел на часы. Без пяти шесть, Джорски уже вот-вот должен показать свою морду из дверей. Без четырех, без трёх, есть! Тупой козел не подвёл. Бар улыбнулся и, положив сорок долларов на стол, поднялся и вышел на улицу, легко толкнув двери одной рукой. Настало время детективной работы.

Глава третья. Обезьяний притон

Бар вёл Джорски почти два квартала и за это время успел трижды проклясть самовлюблённого козла, останавливающегося почти у каждой витрины. Джорски оказался на редкость самовлюблённым парнем, то и дело разглядывающим свой выхолощенный костюм и редкую бородавку.

Наконец, свернув на Махауни-стрит, Джорски зашёл в холл огромного небоскреба. Бар поднял голову, придерживая шляпу. Да, в таком здании как минимум пятьдесят этажей и миллиарда четыре вложено, не меньше. Он вздохнул. Это было очень плохо, так как воротилы крупного бизнеса очень неохотно впускали детективов, натаскивая своих секретарей на охотничьих борзых. Но шанс есть шанс, вдруг ему попадётся крайне милая цыпочка, только и живущая тем, что ей удастся повстречать красавца-детектива. С этими прекрасными мыслями Бар и вошёл внутрь.

– Да поймите вы, – спокойно вещала стройная белочка, – на Брэда Джорски есть пропуск, а на вас – нет.

– А вы разве не видите жетон полицейского?

– У вас что, ордер на обыск?

– А чтобы войти, мне нужен обязательно ордер на обыск?

– Если без пропуска, то да.

– Если я приду с обыском, то вы пойдете, как соучастница, – бросил безнадежно Бар.

– Ишь, напугал, – повела плечиком белочка. – Вам, детектив, надо преступников ловить, а не порядочных граждан запугивать.

Бар прищурился. Белочка была ярко-красной, с великолепным пушистым хвостом. Несмотря на другой природный вид, она совершенно не отталкивала, а даже наоборот, притягивала. Бар снова поймал себя на той мысли, что на самом деле был против официального видового запрета на сексуальные отношения. Ведь порой даже белочки были ох, как сексуальны. Впрочем, ему этот запрет особо никогда и не мешал.

– Вы прекрасны, мисс, – миролюбиво сказал он.

– Иди, иди, кошачий подхалим, знаем мы вас, чуть зазеваешься, как всё, сразу вцепитесь, – сказала она уже мягче, смерив его оценивающим взглядом.

Понимая, что она всё равно не отступит, Бар поднял шляпу и удалился. По факту, он уходил не с пустыми руками – нужно было лишь правильно воспользоваться полученной информацией. А сделать это можно были лишь в одном месте – «Обезьяньем притоне». Он усмехнулся. Уж в каких местах он только не бывал, но притон был, пожалуй, худшим гадюшником из всех, хотя и самым любимым.

Находился он в старом кирпичном здании на Бари-Бич, рядом с цветочным магазином и кабаре «Медвежья сосулька». По сути, это был даже не столько притон, сколько разбойничий кабаk, совмещающий в себе немного от притона,

немного от сауны, немного от кабаре, немного от подпольного тотализатора. Словно бы муниципалитет города решил не разводить несколько отвратных мест, а собрать их всех в одном, тем самым свести потери морального облика столицы к минимальным.

Бар подошёл к широкой лестнице, уходящей глубоко в подвал. Как обычно, веселье было в самом разгаре, у сотрудников этого заведения не было неприятных часов. Он спустился вниз и вошёл внутрь, бросив на ближайшую вешалку свою легкую шляпу.

На шесте, как обычно, была Мериан – высокая стройная пантера с замашками куницы. Увидев его, она на секунду замерла, но затем, как ни в чём не бывало, продолжила свой танец. Эта самка заслуживала куда лучшего места, чем эта забытая богом дыра.

– Извините, сэр, кажется, вы ошиблись местом, – неожиданно вставил огромный буйвол-охранник, ткнув в него копытом.

– Отвали, – ответил Бар, всматриваясь в гостей.

– Ты, кажется, не понял, приятель. Я тебе сказал, что тебе здесь не место! Вход лишь по приглашениям.

– Вот мое приглашение, приятель, – огрызнулся Бар, выхватив револьвер и засунув его за ремень буйвола.

– Эй, спокойнее! Ты чего? – сказал здоровяк и резко поднял лапы, попятившись.

– Это хорошо, что ты вспомнил о спокойствии, оно – га-

рант здоровья, дружище, – убирая револьвер, заметил Бар, аккуратно поправив охраннику пиджак.

– Каширски, ты что, опять моих людей запугиваешь? – прокричал ему оранжевый орангутанг. – Иди сюда, я налью тебе стаканчик, мой мальчик.

Бар посмотрел в сторону обезьяны. С этим здоровенным орангутангом по кличке Красный Гарри он познакомился три года назад, когда вытащил его из лап банды шимпанзе, которым тот задолжал некоторую сумму зелененьких купюр. Дела тогда у Гарри шли очень скверно, и он пошёл на сделку, лишь бы избежать гнева своих дальних собратьев по виду. Бар обошелся с ним вполне прилично, и Гарри это запомнил.

– Здорова, старый черт! Я вижу, ты совсем меня не бережешь, – заметил Чеширски, убирая револьвер.

– Каширски, это сложный бизнес. Порой бывают драки, смена охраны – дело обыденное. Но, к чёрту, расскажи, как дела, сто лет тебя не видел! – приветливо воскликнул Гарри, положив ему на плечо свою оранжевую лапищу.

– Шаха убили, растеряли прямо у подъезда. Ты что-нибудь знаешь об этом?

– Слышал, но не в теме, тут каждый день кого-то убивают, совсем зверьё ошалело, что ни день – то убийства. Видишь же, охрану поменял. Пару дней назад у нас тоже заварушка случилась.

– Стало быть, ты не в курсе, кто заказал Шаха. Странно, я думал, ты знаешь всё и обо всех.

– Хей, брат, те времена прошли, сейчас я просто старый орангутанг, заботящийся о своей репутации, зачем мне такие знания? Кто убивает полицейских, тот идет до конца. Это опасные звери и я стараюсь ничего о них не знать. Мы, обезьяны, живем долго лишь в том случае, когда нас не убивают.

– Это ты верно подметил, – Бар повернулся к нему, облокотившись о барную стойку. Так он мог спокойно наблюдать за происходящим в зале, в частности, за красивым танцем Мериан.

– Что, соскучился по нашей кошечке? – усмехнулся Гарри, проследив за его взглядом. – Она тут у нас всем головы вскружила, ей бы бальной танцовщицей быть, а не стриптизершей. Жаль, сгубила девка талант.

– Что это ты таким щепетильным стал, раньше вроде не водилось.

– Я же тебе говорю – постарел, или ты меня не услышал? Зря говорят, что вы, кошки, хорошо слышите, налицо явная дезинформация.

– Все меняется, раньше ты тоже знал, что в городе происходит, теперь нет.

– Теперь всё иначе. На место обычных мафиози пришли крупные компании, которые ни во что не ставят старую школу.

– Кстати, что ты знаешь о Парацеттикал?

– Они выпускают Виагру, малыш, ты что, уже чувствуешь

проблемы?

– Нет, просто мой товарищ Джорски заглянул к ним в офис. А это, по меньшей мере, странно.

Гарри взглянул на стакан с виски и одним махом опрокинул его.

– Забудь ты о них, займись привычными убийствами. Зачем тебе эти компании, от них больше вреда, чем пользы. У нас и без них полно всякого рода бандитов. Вот всяких разбойников сколько, только и смотри, что за кошельком приглядывай.

– Гарри, что может быть хуже, когда покупают самих копов? Более того, делают так, что они сами ходят на поклон в офис?

– Эх, Бар, вот честно, ты мне нравишься, сильно нравишься. Ты не похож на своих коллег, да простит их продажные шкуры Обезьяний Бог. Поэтому я тебе даю добрый совет – не лезь к этим ребятам. У них столько денег, что они могут позволить купить весь город. Это фармацевтика, брат. Да и с чего ты взял, что у них есть интерес в убийстве полицейского, может, он к ним по другому делу пошёл?

Тут Бар наконец-то заметил, что Гарри уже изрядно подвыпил еще до его прихода. С первого взгляда это заметить сложно, так как орангутанг изначально не бледный, а алкоголь выдают лишь красные глаза, да особая разговорчивость.

– Хорошо, Гарри. Я буду осторожен. Ты, кстати, прав – пора заняться обычной рутинной работой детектива, на ули-

цах слишком много грязи. Эх, жаль, я на службе, соскучился я по отдыху, иногда хочется взять и набраться так, чтоб голова затрещала.

– Малыш, малыш, ты там, где надо. Сейчас всё организуем.

– Гарри, ты, конечно, извини, но на меня и так сверху давят, не хочу, чтобы узнали, что я тут нажрался.

– Хей, малыш, ну так у меня есть vip-комната, там и сидем. Нас никто не побеспокоит. Я, конечно, мог бы закрыть и само заведение, но это перебор, не так ли?

– Да, перебор, – согласился Бар, разглядывая пустой стакан. – Хотя, если честно, мне по вкусу больше виски с валерьянкой.

– Да её сейчас не найти. После избрания на должность мэра kota, валерьянку как сдуло со всех прилавков. А все потому, что его младший брат от него горячку схватил, глупый псих, испортил стольким жизнь.

– Хочешь сказать, что это мэр наложил вето на поставки валерьянки?

– Это не просто слова, его ребята лично приходили ко мне. Уже с апреля действует. Просто свинство какое-то.

– А жаль, я был бы не против сейчас пару капель опрокинуть, – задумчиво сказал Бар. Уж кто-кто, а он точно знал, что у Гарри обязательно найдётся заначка.

– Подожди, не спеши. У меня кое-что есть для тебя, мой старый друг. Мерси, детка, принеси моему любимому коту

наш небольшой запас кошачьих вкусовостей, я угощаю, – тихо, как это только возможно у орангутанга, шепнул барменше Гарри.

– Но сэр, вы же сами запретили, – недовольно сказала Мерси, смерив Бара подозрительным взглядом.

– Раз я сказал, значит, можно, – отмахнулся от неё Гарри. – У нас в гостях мой старый друг, для этого парня мне ничего не жалко.

– Гарри, твою обезьянью родню, что ты творишь, – заулыбался Бар, делая вид, что не в силах устоять перед обезьяньей щедростью.

– Ну, не бузи, разок можно, у меня всё аккуратно, – сказал он уже начавшим заплетаться языком. – Только пошли, нам надо уединиться, сам знаешь, она воняет, как прокаженная, мигом все местные коты набегут.

– Да, да, да, только не воняет, а удивительно пахнет, – заурчал Чеширски, почувствовав пленительный запах валерьянки. – Как же я давно не чувствовал этот аромат!

Глава четвертая. Встреча друзей

Развалившись в кресле, Бар почувствовал, что вот-вот взорвётся от смеха. Он уже примерно час находился во власти чертовой травы, но по-настоящему почувствовал действие её лишь сейчас, когда Гарри затравил эту историю с Милтоном.

– То есть, ты хочешь сказать, что Милтон залез на носорога?

– Да, чёрт меня возьми! Конечно, я сам не видел, но вроде так всё и было. Когда Вальс вернулся, Милтон и жена Вальса всюду развлекались в постели.

– Подожди, подожди, но Милтон меньше меня, как он вообще смог бы это сделать, Гарри, жирная ты обезьяна! Как это возможно?

– А вот сейчас обидно было, – вдруг резко скорчил морду орангутанг.

– Эй, ну ты чё?

– Ха, повелся? Да ты чего, малыш, ха, совсем очумел, ха-ха, – резко обнял его Гарри. – Да ты мой самый любимый кот, как ты говоришь – самый умный из котов.

– И всё же, как такое возможно? Я не отстану. Как Милтон вообще с ней замутил, как он к Дороти подобрался?

– Я не знаю, брат, вроде она склонна к мягким и пушистым. А Арни? Он же как камень, брат: толстый, скользкий,

грубый. А ваша порода берет нежностью. Тут в другом вопросе: нахрена Милтону залезать на этот самосвал, тем более, рядом трётся Арни.

– Может, он под валерьянкой был.

– Ну, может и так. Я слышал, у вас потенция из всех щелей лезет, стоит вам порцию пахучей прописать, что скажешь, а? – спросил Гарри, доставая новую порцию.

Бар сделал глубокий вдох. Он уже сотню лет так не отвисал с оранжевым, хотя раньше они довольно часто коротали вечера за выпивкой. Гарри вообще мастерски умел бодяжить траву в алкоголе, причем так, что казалось, будто ты совсем не пьянеешь, только лапы ватные становятся, и по телу разливается приятная ломота. Он махнул волосатой головой и посмотрел в сторону бара. Наблюдать за работой этой очаровательной коротко стриженной скунсиhi, столь профессионально разваливающей виски, было очень приятно.

– Ну, теперь ясно, почему они больше в футбол не играют. Слушай, Гарри, сукин ты сын, а подскажи мне, где ты нашёл вот её? – тихо спросил Бар, указывая пальцем в Мерси.

– Ты не поверишь, мальчик мой, но она сама ко мне пришла, сказала, что всегда хотела работать в баре, – не отвлекаясь от пакета, сообщила обезьяна.

– А почему именно к тебе?

– Она же скунс, а им особо не доверяют работать с продуктами, ну, в головах полно всяких предубеждений. Сам знаешь.

– И ты решил пойти против злой системы. Как-то на тебя не сильно похоже.

– Мне это выгодно, малыш. В последнее время у меня слишком много драк, а Мерси держит бар так, что не все жаждут сразу напиться. Хотя, не скрою, даже с ней ребята ухитряются надраться.

– Как мило, – ухмыльнулся Бар, ставя стакан на небольшой круглый стеклянный столик. – Эх ты, старый чёрт, знаешь, чем меня брать. Скажи, ты всех угощаешь валерьянкой, а? Скольким копам ты налил уже в этом месяце?

– Бар, малыш, ну ты забыл, что полиция уже не вотчина котов, это время прошло, дружище. Валерьянка не особо пользуется спросом у копов, так как тут теперь лишь козлы да бараны. Да что копытные, я даже зайца видел или кролика, их вообще хрен друг от друга различишь.

– У кроликов задние лапы короче и они менее ветрены, в отличие от зайцев. У нас только зайцы проходили по делам. Кролики, как правило, дома сидят, с преступным делом вообще не знают. Готов поставить свой хвост, что кролики вообще никого никогда не убили.

– С чего это такая мысль? Что, намутил с белым и пушистым?

– Ага, если бы, – Бар положил руку на край дивана и посмотрел через одностороннее зеркальное стекло в зал. По-немногу начал собираться весь бомонд.

– Эй, малыш, держи. Это за наше с тобой здоровье и дол-

гую жизнь, чтобы шерсть не опадала, челюсть крепчала и глаза, как алмаз были, – сказал орангутанг, протягивая ему стакан.

– Ну, шерсть-то точно не выпадет, я же гладкошерстный, мы до самого конца пушистые, – усмехнулся Бар, принимая виски. – А вот за остальное согласен, мудрая моя обезьяна. Дрогнем.

И они разом осушили по двести грамм. Бар почувствовал, как немеют лапы, видимо, Гарри здорово злоупотребил с дозой. Он с трудом раскрыл глаза.

– Господи, ты что опять разбавил-то? Меня лапы почти не слушаются.

– Всё, как в любом приличном месте – это лучший мой рецепт. Можно сказать – реликвия. Только лучшему коту и другу.

– Забыл сказать – полицейскому-детективу.

– Я никогда не любил это добавление. Прежде всего – друг, потом, чёрт с ним, кот! А остальное мне не по душе.

– Ладно, ладно, не бузи. Ты у нас тоже далеко не обезьянний ангел, мой оранжевый бабуин, – Бар поставил стакан на стол и ещё раз посмотрел на Мерси. – Слушай, а у неё есть кто?

– Бар, распутник ты этакий, ты мне с Мериан насрал кучу, а теперь до Мерси добраться решил, она же вообще скунс.

– Подожди, с Мериан я расстался мягко.

– Не знаю, как вы там расстались, но бедная крошка чуть

с ума не сошла. А она ж пантера, у неё когти есть. После того, как ты сбежал, она половину стриптизерш чуть глаз не лишила. Еще немного, и я сам бы на шест полез.

– Кстати, хорошая идея. Ты – обезьяна, вы как бы на деревьях лазаєте. Я думаю, в этом ты бы дал всем бабам фору, потряхнул, так сказать, стариной.

– Ах ты ж, мохнатая жопа, дай пять! – Гарри протянул свою огромную пятерню.

– Держи, – Бар смачно приложился о его мохнатую лапу.

– Эх, Бар, хороший ты всё-таки коп, – сказал Гарри задумчиво, откинувшись в кресле.

Бар прищурился, он долго ждал, когда старый орангутанг, наконец, согреется для душевного разговора. Раньше он часто ошибался с этой гранью, но теперь, пожалуй, правильно улучил момент.

– Это почему же?

– Ты правильный коп, ты честный коп. Только вот упертый.

– Это ты потому, что я залез не на свою территорию с Шахом? Гарри, они убили котят, потом застрелили копа, как я могу такое оставить? Как это вообще возможно.

– И что? Как будто у нас никого не убивают. Все мы смертны. И копы, и дети. У каждого своя судьба. Только ты этого понять не можешь. Я не пойму: у тебя что-то личное в этом деле? Бар, мальчик, тут слишком серьёзные игроки.

– Ты опять о корпорациях. Что за теневой заговор ты мне

впариваешь? Убить детектива – это больше бандитское ремесло, никак не связанное с компаниями по производству лекарств от потенции.

– Ты слишком прямолинейно смотришь. Везде свои интересы, в том числе и у Парацетфтикал. Они держат рынок и у них огромные капиталы. Наивно полагать, что у этих ребят лишь белые методы работы.

– Они что-то поставляют, о чём я не знаю?

Глаза старого орангутанга на миг сузились, затем он встряхнул головой и словно бы немного отрезвел, после чего, оторвавшись от спинки кресла, Гарри задумчиво поднял бокал и поднес его к морде Бара.

– А ты действительно умный кот, Бар, только вот не пытайся меня развести по пьяни, правда, это не самая мудрая идея, малыш. Как я уже сказал, есть звери, с которыми лучше тебе не сталкиваться, какой бы крутой одиночка-детектив ты ни был.

Бар вздохнул и тоже поднял стакан.

– Возможно, ты и прав, твоё здоровье.

Затем они взяли ещё и ещё по порции виски. Бар уже и не помнил, на какой порции стал мягко отходить в мир потерянной памяти, где переставали существовать преступления, убийства и было лишь одно сплошное забытьё. Но это было совершенно не страшно – в любом случае Гарри не дал бы ему пропасть.

Естественно, следующее утро выдалось крайне болезнен-

ным, пусть это и был выходной. Бар с великим трудом открыл глаза. Казалось, что в голове не валерьянка, а расплавленный свинец.

– О-о, как же больно, – буркнул он, разглядывая розовый потолок.

Так, минуту. Розовый потолок. Бар напрягся. Он не помнил, чтобы у него дома был розовый потолок. К слову, он вообще не любил розовый цвет, предпочитая либо белый, либо более мрачный тон, черный или коричневый, но уж никак не розовый. Он повертел головой. Да, он был в гостях у дамы.

Глава пятая. Эротичный скунс

– Ты, видно, давно с Гарри дружишь, – раздался тихий и немного грубый голос. Бар повернул голову и увидел Мерси. Она с интересом разглядывала его, держа в руке кружку с кофе. Затем присела на край кровати и протянула напиток ему.

– Давно, – Бар с благодарностью принял кофе. Он лучше всего спасал от той мешанины, которой баловал Гарри. Ни алкоголь, ни таблетки, ничто так не отпускало, как кофеин.

– Он сказал, что ты крайне опасный тип, так чем же ты так опасен?

– Я не знаю, детка, – сказал Бар и откинулся на подушку. Голова начинала понемногу проходить. – Я, по сути, мягкий и пушистый. Не знаю, чем мог напугать эту большую обезьяну, мне кажется, он просто завидует моей красоте.

– Какой скромный кот, – ласково сказала она и, пододвинувшись к нему, прижалась к его морде.

Бар несколько напрягся и инстинктивно стал принюхиваться, ожидая неприятностей. Он никогда не имел дело со скунсами и уж тем более не спал с ними. Но Мерси оказалась умничкой и лишь улыбнулась, уловив движения его носа.

– Мы все заложники предвзятости, не так ли? – тихо сказал она, опуская глаза.

– Увы, увy, – ответил Бар, чувствуя лишь мягкий аро-

мат лимонного мыла и липовый шампунь. Мерси оказалась крайне щепетильной в вопросах гигиены дамой. И на вид, и на запах придраться к ней было практически невозможно. Бар мысленно поблагодарил себя за пьяную избирательность.

– Ты надолго в притон? – спросил Бар, делая второй глоток кофе.

– Да пока мне всё нравится. Мне сложно найти работу в питьевых заведениях, все почему-то считают, что из-за меня провоняет весь их склад. Или я буду перебивать запахи. Это так нелепо, но я не буду доказывать обратное, у зверей своя голова должна быть на плечах. А ты часто к Гарри заходишь? Я там уже два месяца, а тебя ни разу не видела.

– Мы работаем в несколько диаметрально противоположных сферах. Я – коп, он – держатель притона. Мы не можем при всем желании видеться часто.

– Но вы так знатно надрались, от тебя до сих пор несёт валерьянкой, а я слышала, что она под запретом.

– Насколько я помню, её применяют в медицинских целях, а я в глубокой депрессии, так что мне можно.

– Сегодня ночью я её не заметила, – игриво улыбнулась Мерси и пододвинулась ещё ближе. Бар почувствовал её манящее тепло и пьянящий липовый запах. Странно, он вроде бы спокойно относился к липе.

А потом он позабыл и про липу, и про лимон, в голове была лишь странная спонтанная реакция на прекрасную

импульсивную скуснису, ласково играющую с его шерстью, хвостом и усами.

Через три часа он, наконец, смог встать с кровати и одеться. Мерси в это время снова была в душе, в очередной раз доказывая, что скусны крайне чистоплотные животные. Он надел часы и посмотрел в большое панорамное окно. За ним располагался большой горячий город, промышленные трубы которого без конца коптели мрачное небо. Всё-таки не так уж и плохо жить в промышленном районе, квартиры здесь были просто огромные.

– Твой пистолет в верхнем ящике тумбочки, я убрала его, на всякий случай, – крикнула Мерси из ванной комнаты.

– Спасибо, детка, – откликнулся Бар, доставая револьвер и убирая его в кобуру. Всё же, она действительно умничка. Он напряг память. Кажется, Сара жила на Хавьен авеню, 10, вроде бы так. Это недалеко отсюда. Пожалуй, от неё и нужно начать поиски безусого кота.

Он быстро оделся и вышел наружу. Задерживаться у дамы после прекрасно проведенной ночи было бы верхом неприличия. Бар вышел на улицу и сразу же увидел на противоположной стороне желтое такси. Пользуясь своей удачей, он поднял руку и в три прыжка оказался возле водителя. Оказалось, радость была преждевременной. За рулем был свин.

Толстый, даже жирный, с огромным выступающим пузом, он был до того отвратителен, что казалось, хуже нет вообще ничего. Бар поднял голову над крышей машины, но воз-

возможности поймать ещё одно такси в ближайшие полчаса не предвиделось.

– Ну, мы едем или стоять будем, пока шины не сдуются? – донеслось снизу.

– Хавьен авеню, 10. И чем быстрее, тем лучше.

– Так бы сразу, – буркнуло серое, порядком облысевшее мясо.

Бар сел на сиденье и посмотрел в грязное окно. Всё-таки свинью невозможно было изменить, она везде грязь разведет, даже с внутренней стороны стекол. Бар принялся, у него сразу возникла куча разных идей относительно воздуха в этом сером, забитом всякой макулатурой салоне.

– Чё, музон включить, а? – то ли хрюкнула, то ли просто буркнула свинья после двух минут совместной поездки. – Есть неплохая станция.

Бар поморщился и демонстративно отвернулся к окну, ему даже хамить и угрожать не хотелось. Тут свин, наконец, нашел нужную частоту и, смачно чавкнув, нажал на кнопку. В салоне стало ещё невыносимее. Отвратный запах, отвратная музыка, отвратный шофер. Бар подумал, что это, скорее всего, наказание за вчерашнюю пьянку. Эх, надо было дожидаться другое такси. Наконец, спустя полчаса, донеслось долгожданное: «Приехали, с тебя десять баксов».

Бар открыл дверь и, кинув столик, быстро выбрался из салона. Боже, как же он был рад свежему воздуху, такое такси следовало просто сжечь. Впрочем, район, в кото-

рый он попал, был ничем не лучше. Точно такой же свинарник, только обширнее. Всюду грязь, куски оборванных газет и мерзкая вонь канализации, от которой хотелось зажать нос. Бар сразу же вспомнил, почему в полиции так мало собак, бедные ищейки ненавидят дурные запахи, хотя и хорошо идут по следу. Им, видите ли, слишком нос режет. Чёртовы неженки.

Он перепрыгнул через лужу и подошёл к двери. Десятый дом выглядел прескверно, зато металлическая дверь обладала воистину нерушимой внешностью. Это был типичный почерк бедных районов – дорогая крепкая дверь.

– Детка, куда же ты залезла, – прошептал он, постучав в дверь.

Дверь долго не открывали, затем он услышал шаги. Медленные, грубые, шаркающие. «Так ходят собаки, крокодилы, носороги, кто угодно, но только не кошки» – подумал Чеширски, доставая жетон. И, тем не менее, это была именно кошка.

Сара Дулитл, невысокая, с обтертой шерстью и потухшими зелеными глазами. Бедняга сильно пила. Чеширски сразу же уловил запах запрещенной валерьянки, смешанной то ли с виски, то ли с водкой. Словно бедная дамочка решила утопить собственную жизнь в огромном алкогольном корыте. Недолго думая, он мягко отодвинул её в сторону и свободно вошёл внутрь.

– Эй, ты куда? – медленно проговорила кошка. Слова да-

вались ей с большим трудом. Было вообще непонятно, как она встала с постели.

Бар вошёл в гостиную и осмотрелся. Интерьер был небогатый, но, несмотря на обилие пустых бутылок, чистый. Бедняжка начала пить недавно, скорее всего, после гибели её котят. Он подобрал одну из бутылок и мягко отлепил этикетку. Как он и предполагал, это было крайне дешёвое пойло, барыги даже на клеё экономили.

– Ты кто такой вообще? – уцепилась за его пальто Сара. – Ты куда идёшь?

Бар задумчиво посмотрел на неё. Беднягу сильно качало, было удивительно, как она смогла дойти до двери. Он мягко обнял её и, прижав к себе, тихо сказал:

—Тише, тише. Давай спать, маленькая. Голова болит?

– Немного, – вымолвила кошка, сбитая с толку таким поведением. – Ты что, зачем, я...

– Давай я уложу тебя. Тебе надо отдохнуть, – сказал Бар и, подхватив её, понес к кровати. Саре требовалось прийти в себя, а из такого состояния её мог вывести только сон. Положив её на кровать, он погладил её по голове, убирая волосы.

– Зачем это? – спросила Сара, но, почувствовав под головой подушку, поддалась на провокацию и начала устраиваться поудобнее.

– Вот и правильно, давай, ложись, тебе надо выспаться, набраться сил.

– Я в норме, – уже совсем тихо сказала она, закрывая глаза

и поворачиваясь на левый бок.

Бар внимательно посмотрел на неё. Всё-таки кошки почти не бывают некрасивыми.

Бар поднялся и начал осматривать квартиру. Пара фотографий, дешёвая мебель, посуда... Ничего такого, что привлекло бы внимание. Он взял одну из фотографий на комод. На ней Сара была рядом с Барни. Бар покачал головой и аккуратно убрал фотографию на место. Часть сложной биографии Сары наконец-то начала проясняться. Бар отодвинул ящик и заглянул в поисках двойного дна, но там было пусто. Тайников в квартире он не нашел. Только дешёвые тряпки и кучу бутылок. Да, было ещё несколько совершенно новых чистых детских вещей, стоявших на порядок выше, чем всё остальное.

Ближе к вечеру Сара стала медленно приходить в себя. Бар к этому времени оставил лишь одну бутылку с виски – для разумного диалога с потерпевшей. После пробуждения Сару сильно колотило, всего за несколько дней она сумела довести себя до полного изнеможения. Бар подсел к кровати.

– Кто ты? – спросила она, всматриваясь в детектива.

– Детектив Бар Чеширски.

– Дай, дай мне встать, – она медленно поднялась и, осматриваясь, вышла из комнаты. Бар не останавливал её, просто молча пошёл следом. Встав на колени, дрожащими руками Сара ощупала стоявшие на полу пустые бутылки. Затем порылась в грязном шмотье. Бар ей не мешал – не зря же он пе-

рерыл всю квартиру в поисках целых бутылок. Шансов что-либо найти у неё не было. Он даже в туалете заначку нашел.

Наконец, осознав, что выпивки нет, Сара вспомнила, что помимо неё в комнате есть ещё кто-то. Развернувшись, она закричала:

– Где бутылки? Ты что наделал, ублюдок? Где мое пойло?
– У меня в руках, Сара, – сказал Бар, показав бутылку.
– Дай мне ее, – злобно прошипела она, выпуская когти.
– Дам, но мне надо поговорить. Будешь хорошо себя вести, получишь, – глаза Бара приобрели пустой холодный оттенок.

Сара остановилась, впившись в него взглядом. Внутри неё шла борьба, одна часть хотела вцепиться ему в глотку, другая отговаривала. Бар знал этот момент, он часто встречался у алкоголиков и наркоманов, находящихся на грани, поэтому приготовился вырубить в случае внезапного нападения.

– Хорошо, – наконец сдалась Сара, – чего ты хочешь?
– Расскажи мне о котятках, Сара.

Она обессилено облокотилась о стенку и медленно съехала по ней вниз. Бар не убрал взгляда, но выдерживать то, что он видел, было тяжело. Сара смотрела как мать, лишившаяся своих детей, на глазах которой снова проступили остатки слез. Чеширски не мешал. Ей надо было прийти в себя.

Глава шестая. Пьяная Сара

Немного холодного молока успокоило её дрожащие лапы и сбивчивую речь, но даже несмотря на это, Сара так и не смогла полностью прийти в себя за те полчаса, что он провел с ней после пробуждения. Конечно, можно было её допросить и полупьяной, но Бар решил взять сведения у трезвой Сары, так как они более надежны, да и допрос пьяной – это двойная работа. Бар аккуратно принял стакан из её лап. Сейчас главное – не давать ей продыха, чтобы диалог не прерывался. Сара облизнулась, всхлипнула и, посмотрев на него, виновато улыбнулась.

– До того, как переехать сюда, я работала в Сильверстауне, но там произошло сокращение, и вот я оказалась здесь. Моя сестра работала нянькой и предложила мне поработать на Альфонски, – сказал она, разглядывая его кобуру.

– А где сейчас ваша сестра?

– Она уехала отсюда. У неё закончился контракт с Эльзой.

– Значит, вашу сестру всё устраивало, но продолжать работать она не захотела?

– Она работала на агентство, ей предложили более выгодный контракт. Она всегда была вольной, никогда не могла усидеть на одном месте.

– Тогда понятно. И как работа? – спросил Чеширски, и сам отхлебнул немного молока, насмотревшись на лакание

Сары. Голова у него ещё побаливала от валерьянки, а молоко – это лучшее, чем можно снять головную боль.

– Меня всё устраивало.

– Послушай, Сара, давай начистоту. Котята – это дело рук Барни?

– Я не знаю, но он очень был недоволен. Он хотел от них избавиться, говорил, что это ненужная ноша, что с ними только хуже. Он всё время говорил об этом, а потом, когда нашел детские вещи, так и вовсе озверел, кричал, чтобы я убиралась с ними. А потом, потом, когда я родила и принесла их в дом, он избил меня и отнёс их к реке, – она закрыла лицо лапами и заплакала.

– Ну, ну, тише, маленькая, всё хорошо, тише, тише, – Бар мягко обнял её, дав ей возможность выплакаться. – Всё будет нормально, скоро это пройдет.

– Я их вижу каждый день, они стоят перед моими глазами. Я не могу ничего сделать, этот писк... Я слышу его каждый раз. Он не умолкает, словно они тут. Я постоянно его слышу.

– А где он сейчас? Не подскажешь? Где Барни? – попытался отвлечь её Бар.

– На доках, занимается сбытом свежей рыбы.

– Странно, это же вроде прибыльное место, – Бар задумчиво почесал бороду.

– Он, сказал, что деньги ему и самому нужны.

Бар немного ласково потрепал её по морде. Он не был домашним психологом, который был необходим в такую мину-

ту. Он мог дать лишь детектива, задача которого находить и наказывать с той самой звериной жестокостью, с которой убили её котят. Особенно, если это сделал кот. Бар опять коснулся её волосатого лба. Он был на голову выше и казалось, что её морда вдвое меньше его.

– Постарайся продержаться этот вечер. Я оставлю бутылку тут, а завтра навещу тебя, – ты сможешь продержаться этот вечер?

– Зачем вам это, детектив?

– Ты что, уже не веришь в добрых котов?

– Я верила в них, – тихо сказал она.

Бар с улыбкой посмотрел на неё. Ему не надо было рассказывать, что произошло, он и так всё понимал. Кошечка из низов, попавшая в большой город, поверившая обаятельному бандиту, возможно, пообещавшему ей завязать. Сколько он наслушался подобных историй за все эти годы. Он настолько привык к ним, что порой скучал без этих рассказов. Только вот к мертвым котяткам он привыкнуть не мог.

Когти на больной руке снова вырвались наружу. Бар поморщился – злость сдавила его сердце, и больше всего на свете он захотел оказаться сейчас в доках. Там, где уже давно нет полицейских, и всю гуляют вольные кошки. О да, это место котов, ни одна собачья морда не сунется туда без воли полосатого Толстопуза.

– Мне надо идти. Завтра я зайду к тебе. Надеюсь, у тебя найдётся холодное молочко для усталого кота.

– Там опасно, детектив, – мягко сказала Сара. Она явно хотела еще что-то добавить, только в последнюю минуту как бы застыла, сложив лапки на груди. Бар снова улыбнулся. Всё-таки даже алкоголь не портит настоящих кошек. Он вежливо попрощался и вышел.

Доки. Он давно уже там не был. Арчи Толстопуз вёл дела аккуратно, по-кошачьи, в хорошем смысле этого слова. Убийств там не случалось. Работники тоже на притеснения не жаловались. Поэтому причин соваться сюда не было. Другое дело, что иногда были рейды таможенников, но их проводили крайне редко. Наркотрафик через доки не шёл, об этом знали все.

Бар посмотрел на небо. В эту ночь должна была взойти полная луна. Он обожал такие ночи, наверное, в прошлой жизни он был собакой и частенько выл на луну. Во всяком случае, носорогом или обезьяной он себя точно не представлял, а надеяться на ещё одну жизнь кошкой, пожалуй, явный перебор.

Бар опустил голову и пошёл по кривому мощеному переулку, выходящему к морю. Вот он уже ловил запахи свежей рыбы, крики чаек, плеск воды – что-то неосознано сильно влекло сюда кошек. И дело даже не в рыбе, за сохранность которой платили неплохие проценты. Здесь было нечто большее – тонкая грань между землей и непостижимым в своем существовании морем, от которого у кошек терялось самообладание.

– Вы, наверное, заблудились, мсье, – расплылся в улыбке драный крупный кот с повисшим ухом. – Тут может быть очень опасно, вам нужно быть крайне осторожным.

– Мне нужно видеть Толстопуза, – тихо сказал Бар, пряча морду от ветра в высокий воротник. Доки неплохо продувало.

– Зачем? – продолжал ухмыляться кот. – Мистер Толстопуз не любит ночные визиты.

– Как же я устал от вас, идиотов. Вроде кошки, а мозгов меньше, чем у свиньи, – вздохнул Бар.

– Кажется, я видел его, он что-то забыл в полицейском участке, – сказал второй кот, выйдя из тени. Этот был ещё крупнее первого. – Ты кто, черная морда?

– Друг семьи, – скаламбурил Бар.

– Шутник, значит.

– Надо же, ты понял шутку. Теперь у тебя точно к вечеру голова заболит, нельзя же так много думать.

– Похоже, тебе пора преподать урок, недоумок, – сказал кот, засучивая рукава. – Я, конечно, постараюсь тебя не убить, но прям стопроцентную гарантию дать не могу.

– Остановитесь, вы что, не узнали детектива? – раздался мягкий, но, тем не менее, совершенно не терпящий возражений голос. Бар сразу узнал его. Это был Сильвестр, правая рука Толстопуза. С ним он был знаком давно, еще с тех пор, когда кошачьи семьи враждовали с выходцами собачьих серых кварталов. Сильвестр, как обычно, был в отменном се-

ром деловом костюме с ярким белым платком.

– Мое почтение, детектив. Прошу прощения за холодный прием, этого больше не повторится, – мягко сказал Сильвестр. Роста он был небольшого и по сравнению с двумя верзилами выглядел несколько комично.

– Да у меня работа такая, Сильвестр, целыми днями слушаю, какой я неосторожный, даже привык к этому.

– Я чем-то могу помочь?

– У меня тут небольшое происшествие, предположительно, с одним из ваших ребят. Ты знаешь, как я уважительно отношусь к тебе, но есть вещи, которые нельзя просто так оставлять.

Сильвестр внимательно посмотрел на Бара, затем на охранников, затем осмотрел улицу и только после этого сказал:

– Давайте зайдём внутрь. Неправильно обсуждать всё на улице, как-никак, тут довольно прохладно.

Бар кивнул и последовал за Сильвестром.

Глава седьмая. Толстопуз

Арчи Толстопуз жил на втором этаже одного из зданий дока. Это была темная двухэтажная деревянная пристройка, окна которой смотрели на море. Бар заметил в одном из окон движение, но высокая массивная тень тут же одернула штору. Он усмехнулся – ох уж эти игры в разведчиков.

Затем они вошли внутрь. Охраны внутри не было. Тихо поднявшись на второй этаж, Сильвестр сделал знак остановиться и исчез в дверном проёме. Через пять минут он пригласил Бара внутрь.

В большой комнате было красиво. Тут стоял огромных размеров деревянный стол, богато украшенный деревянным орнаментом, чем-то напоминающий мрачное барокко. Зеленые абажуры, книжные шкафы и огромный ковер, на котором было два кресла с ещё одним маленьким резным столиком, выполненным в том же стиле, что и большой стол. Сам Толстопуз сидел за большим столом, грузно развалившись в высоком кресле.

Это был огромных размеров кот. То ли сибирской породы, то ли смешанной европейской. В любом случае, шерсть у него была пышная, густая, придававшая ему и без того колоссальный объём. Сложив руки под подбородком, Толстопуз прищурился и улыбнулся, обнажив ряд мелких белых зубов. Одет он был в огромный костюм чёрного цвета с бело-

снежной рубашкой.

– Ну что ж, присаживайся, раз пришёл, – указал он на одно из кожаных кресел.

– Я смотрю, дела процветают? – оглядев комнату, сказал Бар.

– Не жалуемся. Хватает всем. Выпьем что-нибудь? – мягко спросил Толстопуз, рассматривая свои отполированные когти. – У меня тут целый набор.

– Только если молока, голова целый день болит, – хмуро заметил Бар.

– Молоко – это хорошо. Сильвестр, пусть принесут молока детективу, – лениво махнул Арчи, продолжая рассматривать Бара. – Знаешь, если честно, я рад, что ты пришёл ко мне – давно не видел честных полицейских кошек.

– Всегда рад сделать тебе приятно, Арчи. Но давай к делу. Ты знаешь, мы, как-никак, по разные стороны закона.

– Понимаю, дело чести, – примиряюще поднял пухлые лапы Толстопуз. – Весь во внимании.

– Безусый Барни, он работает на тебя в доках. Мне он нужен.

– А зачем он тебе?

– Есть подозрение, что он утопил котят, а ты знаешь, как я к этому отношусь.

– Боюсь, мы все к этому негативно относимся, мой милый пушистый друг, – Толстопуз поднялся из-за стола и принял графин с молоком из рук подошедшего Сильвестра, затем

легко и элегантно разлил молоко по бокалам, оттопыривая пушистый мизинец, на котором красовался огромных размеров бриллиант. После чего пододвинул один бокал Бару.

– Я понимаю, что это плохо, но мне нужно знать, где Барни.

– Не знаю. Как только я узнал о его причастности к убийству котят, сразу же уволил его.

– Уволил?

– Да, уволил. У нас приличная компания и, если проходит слух о подобном преступлении, мне проще уволить кота, чем держать его у себя.

Бар изучающе посмотрел на Арчи, но в хитрых глазах толстяка невозможно было ничего угадать.

– Если я узнаю, что ты мне соврал...

– То что, детектив? Что ты сделаешь? – Арчи осклабился. – Послушайте, детектив. Вы пришли в мой дом, лакаете мое молоко и теперь ещё пытаетесь уличить меня во лжи. Вы действительно очень утомились. Вам нужно отдохнуть.

Бар посмотрел в сторону двери. Он даже не заметил, как в комнату вошёл Сильвестр и встал возле неё. Крайне ловкий тип. Чеширски взял свой бокал и выпил. Голове действительно полегчало. Наблюдавший за его реакцией Арчи довольно улыбнулся.

– Это молоко мы сами делаем, – довольно сказал он.

– Интересно, кто конкретно производитель.

– Это семейная тайна. Главное, чтобы вкус был сладкова-

тым. А вот чье – разве это так важно? Вкусно и радуйся.

– С теми, кто берет взятки, так же общаетесь? Есть и радуйся, а как добыли – не важно?

– Детектив, вы в курсе, что норма – это мнение большинства? То есть, если в вашем участке большинство берет взятки, то это норма. Значит, вы – ненормальный.

– Возможно, мне давно так говорят, Арчи.

Толстопуз снова сложил лапы и миролюбиво улыбнулся.

– Мистер детектив, вы же знаете, как я веду дела. Мне этот ваш кот – только лишние проблемы. А я не люблю лишних проблем. Поэтому я его и уволил. Всё честно и открыто. Ну не искать же мне его вместо вас.

– Жаль, я очень надеялся на сотрудничество с вашей стороны, мистер Толстопуз. А давно вы его уволили?

– Дней пять назад. Ещё до прихода мистера Джорски. Он, кажется, тоже искал этого парня. Прямо напасть какая-то. Все его, беднягу, ищут, найти не могут.

Бар задумчиво посмотрел на Толстопуза. Он и забыл, что Джорски тоже, по идее, расследовал это дело. Интересно, заходил ли он к Саре? Если заходил, то когда? Скорее всего, она этого не помнит – такой запой, как у неё, идёт, минимум, неделю. Видимо, Джорски не стал входить внутрь её дома. Кому интересны пьяные, убитые горем матери-одиночки? Он поставил бокал на стол и поднялся. Интересно, как правильней: возвратиться к Саре или ещё раз навестить Мерси?

– Прошу вас, – сказал Сильвестр и открыл двери.

– Спасибо, – ответил Бар и вышел с Сильвестром, не заметив, с каким недовольством Толстопуз посмотрел на своего слугу.

Оставшись с ночью наедине, Бар, наконец, решил, что делать. Поймав такси, он поехал домой и завалился на кровать, устало уткнувшись в подушку. Мягкая простынь, привычные запахи – только в постели он понял, насколько сильно устал за всё это время, да и голова не переставала болеть. А дальше – сон. Глубокий безмятежный сон, откладывающий все поиски безусого кота на потом.

Глава восьмая. Бегемот Дэви

Сидя в архиве, Бар задумчиво крутил свой ус и смотрел на пустую кружку. Затем помял шею и посмотрел на медленно качающийся вентилятор. Он уже три часа возился с архивом, выискивая сообщников Барни. Но мелкий жулик оказался не таким уж засвеченным. Да и как он может светиться, являясь, по сути, маленьким серым быдловатым ворьем?

Тут в коридоре раздались громкие шаги, и в дверях появилась миссис Дэви Лайт – огромная бегемотиха с отвисшим в три ряда пузом, просачивающимся через тонкую блузку. Бар медленно поднял на неё глаза. Это был, пожалуй, единственный персонаж в участке, которого он остерегался, так как предугадать поведение этой самки было воистину невозможно.

– Миссис Дэви, вы уже уходите? – обратился к ней Бар.

Дэви остановилась и медленно повернулась к нему. Вообще, отношения у них были так себе, впрочем, как и у всех. Бардак в архиве никого не оставлял равнодушным. Приходится возиться часами, чтобы найти какое-то дело. Был даже слух, что она близкая знакомая мэра, и именно поэтому Бронкс не может её уволить. Дэви злобно уставилась на него.

– А не надо на меня глотку рвать, Чеширски. Ты что, кошачья морда, думаешь, всех тут запугал, – раскрыла свою пасть Дэви. – Ты думаешь, я тебе стандартная кошечка, на

которую можно всю работу положить?

– Нет, конечно, вы и близко не стояли с кошечкой, – ответил Бар, заморожено наблюдая, как багровеет тонна заплывшего мяса, – но вы ведь должны мне помогать, так? Неужели я должен делать всю работу за вас? Вы и так, прямо скажем, не особо утруждаете себя работой в архиве.

– То есть ты считаешь, что я мало работаю в этом сраном гадюшнике, провонявшем кошатиной почти до потолка?

– Я бы сказал, что вы вообще тут не работаете. Ну, хорошо, пусть будет – мало работаете. Дэви, произошло убийство и мне необходимо найти убийцу.

– И это повод меня оскорблять?

– Я вас не оскорбил. Просто сказал, что вы мало работаете, мало двигаетесь.

– Мало двигаюсь? Ты хочешь сказать, что я толстая? – побагровела Дэви.

– Я не говорил, что вы жирная, я лишь сказал, что вы мало двигаетесь.

– Значит, теперь я уже жирная, хотя пять секунд назад я просто мало двигалась, да? – взревела Дэви, ставя сумку рядом с дверью. – Ну ты и наглец, волосатый. Ты думаешь, я побоюсь о тебя руки марать, гаденыш? Ты думаешь, управы на тебя не найдётся, или я твоих когтей боюсь?

Бар встал со стула и отошёл к стене. Он едва не потянулся за револьвером, видя, как засучивает рукава и угрожающее приближается Дэви.

– Дэви, тише, тише, детка, – вкрадчиво сказал он, вытягивая вперед мягкие лапы, – нервы надо беречь, Дэви. Мы же культурные звери, я вовсе не хотел называть тебя толстой. Нам надо просто успокоиться. Конфликты на работе ни к чему.

Он знал, что в отличие от носорогов, шанс остановить взбешенных бегемотов всё же есть. Надо лишь постараться дозвониться до их малюсеньких ушей, резводвигающихся на самой верхушке огромной головы.

– Не поможет, Чеширски! Теперь ты реально достал меня, твои увертки действуют на драных тупых кошек. С более умными леди такой фокус не прокатит. Пора тебе устроить взбучку, наглый кот.

– Дэви, это участок, – спокойно заметил Бар.

– Ничего страшного, – злобно прошипела Дэви, продолжая приближаться. – Зато завтра, да, завтра все будут знать, как нашего детектива оприходовала самка.

– В смысле – оприходовала? – спросил Бар, надеясь возбудить в ней самое лютое бешенство и, увернувшись от броска, выскочить в коридор.

– Дэви, детка, ты где? – раздался в коридоре голос Дафни.

Бегемотиха остановилась и прислушалась, повернув в сторону двери свои маленькие милые ушки. Бар замер, акцентировав всё свое внимание на её ушах. Пожалуй, это была единственная часть её тела, к которым подходило определение «милые».

– Дэви, детка. Это я. Твой карапузик.

Бар выдохнул, это был её супруг. А с ним он был в приятельских отношениях. Это был единственный зверь, который мог остановить эту бегемотиху. К тому же, он был на редкость адекватным самцом.

– Я здесь, милый, – уже мягче сказала Дэви, не сводя глаз с Чеширски. – А ты везунчик. Но так не может продолжаться вечно, не так ли?

Бар вдруг почувствовал, что это самая пугающая угроза из всех, которые он когда-либо слышал. Его так не пугали ни в мафии, ни на улицах, а ведь ему приходилось бывать в неплохих передрягах. Но это самка, здоровая, с засученными рукавами, стоящая в полицейском проёме, пугала больше всех. Даже сейчас, когда, немного успокоившись, она опустила белые рукава и понемногу приходила в себя, она всё ещё разила опасностью.

– Дэви, я был неправ, – он поднял руки. – Давай забудем об этом.

– Когда я тебе двину, Бар, да так хорошенько, чтобы башка зазвенела, тогда мы и помиримся, – уже спокойно сказала она, подкрашивая губы в зеркальце. – А до тех пор ходи и оглядывайся, хвостатый.

Бар проводил её взглядом. Теперь он уже был рад остаться в одиночестве в этом заваленном папками архиве. Он облокотился на шкаф и почувствовал, как ему что-то упирается в затылок. Развернувшись, он увидел немного выпираю-

щую папку. Чеширски потянул её и оказалось, что это дело Барни. Правда, теперь это был Барни Хикокс, рожденный в Бронксе.

Бар открыл дело. Впервые Барни попался в пятьдесят восьмом, затем ещё череда мелких краж, пока, наконец, он не сел на два года за вооружённое ограбление магазина. Отсидев, Барни немного поумнел, но преступную деятельность не прекратил. Поймав его на квартирной краже, Бару удалось вкатать Барни три года за воровство и нападение на детектива. Хотя, конечно, Бар больше сам напал на Барни, выбив ему клык и сломав ребро. Видимо, после второй отсидки он снюхался с котами из банды Толстопуза и устроился на доки.

В материалах дела у Барни было двое сообщников при первом вооруженном нападении на магазин, в дальнейшей преступной карьере он предпочитал действовать в одиночку. Только вот напарники были не из кошачьих, а, стало быть, был шанс, что они никак не связаны с Толстопузом.

Бар посмотрел на фотографию напарников Барни. Толстокожая черепаха Кортни Майхи и её менее круглолицый друг – баран Вурдок Гудни. Все трое были из старого города. Типичная дворовая банда. Бар переписал адреса в блокнот – до старого города примерно минут сорок езды. Он посмотрел на часы. Девять вечера, самое время для общения с полицией.

Глава девятая. Два друга

– Кого там ещё принесло, мать твою, – неприятным визгливым голосом донеслось из-за ветхой двери, после чего раздался детский плач.

Бар отошёл. Судя по всему, это была жена Кортни. Черепахи славились серьезным отношением к семье, поэтому было не удивительно, что даже такой бродяга смог найти своё семейное счастье.

– Ты кто такой, мудило? – злобно прошипела невысокая черепаха, держа и качая на руках младенца.

– Детектив Чеширски, мэм.

– Тебе что надо? – спросила она, перекидывая плачущего ребенка с одной руки на другую. – Ты нахрена ко мне пришёл? Ты дурак, что ли? Ты время видел, мудило?

– Мэм, – сказал Бар, не пытаясь как-то перебить её настрой. На венах черепахи были следы от уколов, а, стало быть, спорить было абсолютно бесполезно. – Скажите, когда вы видели в последний раз Кортни Майхи?

– Ты придурок, что ли, откуда мне знать? Это говно свалило ещё два года назад, тупой козёл! Иди, сам его ищи, если тебе надо.

Дальше пошёл целый поток слов, который не смог заглушить даже плачущий ребенок. Бар поморщился. Бывшие наркоманки были не таким уж редким явлением среди жите-

лей старого района и, как правило, многие из них имели детей, держась за них, как за последнюю соломинку нормальной жизни. Занимались проституцией, торговали наркотиками, воевали с родительским комитетом, но всё равно не хотели расставаться с детьми. Материнский инстинкт, так его.

Недолго думая он отодвинул её в сторону и вошёл внутрь дома. Рваная одежда, бутылки, грязь и бесчисленное количество мух прочно засели в этом адском месте. Наткнувшись на запертую дверь, Бар вытащил револьвер и выбил ногой замок. Как он и ожидал, Кортни никуда не уходил. Только теперь это был высохший скелет, пусто смотрящий в сторону. Убрав револьвер в кобуру, Бар вышел из дома.

– Вышлите труповозку на Додханд, двадцать четыре, здесь жмурик, скорее всего – передоз, – сказал Бар и посмотрел на женщину, а, точнее, на её ребенка.

У него были красивые зеленые глаза. Чистые, непонимающие и очень любопытные. Бар улыбнулся, малыш улыбнулся в ответ. Маленький детеныш, сидевший на руках наркоманки, был счастлив, ведь это была его мать. Он прижался к её щеке и закрыл глаза от удовольствия. Бар отвернулся и пошёл на второй адрес, казалось, в этом аду невинными могут быть только младенцы.

Вурдок Гудини оказался везучее своего бывшего напарника и расположился в доме поприличнее. Кроме того, в этом же доме он держал небольшой ломбард. Бар решил, что не стоило разговаривать с этим парнем через небольшое окно,

так суть вопроса не всегда понятна. Куда как приятнее разговаривать нос к носу, когда ты и собеседник, почти как влюбленные, старающиеся узнать побольше друг о друге. Он сел на скамейку и закурил. Погодка была отличная, не грех и подождать часок – другой.

Только вот столько ждать не дали, и уже через полчаса к Бару подошли два барана. Чеширски улыбнулся во всю ширь своей кошачьей чёрной морды. Иногда расположить к себе зверей можно и одной улыбкой.

– Ты кто такой? – спросил первый баран.

– Тебе чего здесь надо? – тут же спросил второй.

Бар задумчиво перевёл взгляд с одного на второго – не надо быть гением, чтобы понять, откуда эти ребята и зачем они домогаются случайных прохожих возле ломбарда Вурдока.

– Зовите меня просто Бар. Я тут жду своего старого друга, он работает вот там, – Бар показал на ломбард. – Вы, случаем, не знаете его?

– Мистер Гудини не любит, когда к нему приходят без его приглашения, – заметил первый Баран.

– Ну, тогда, может быть, вы меня пригласите, и мы уже начнем нашу беседу? В чём проблема, ребята?

Бараны переглянулись. Эти копытные никогда не отличались особым умом, но здесь они превзошли все ранее виданные Баром экземпляры. Наконец, один сказал второму:

– А что, если действительно его проводить? Если что не так, мы легко разберемся.

– Вариант. Нам же не сказали, что вести нельзя.

– Господи, ну вы решили или нет?

– Ты не спеши, видишь же, думаем.

– Прямо вот реально вижу, – Бар откинулся на скамейке.

– Ладно, кот, пошли. Только без фокусов, а то без зубов останешься, – пробубнил первый баран.

– Да, фокусы ни к чему.

– Так бы сразу, – Бар поднялся и поправил пальто, не дав показаться револьверу.

Они подошли к небольшой двери, ведущей в подвал. Один из баранов ткнул копытом в грудь Бара, останавливая его, затем кивнул второму, чтобы тот шёл открывать дверь. Бар послушно остановился. В любом случае, это было лучше длительного ожидания. К тому же, у баранов крайне крепкий череп и вырубить его практически невозможно.

Вурдок Гудини был худым бараном с огромными выпученными глазами. Сидя за столом, он производил впечатление паука, примостившегося в центре своей паутины, так и жаждущего новой добычи. Впрочем, что можно было ещё ожидать от владельца ломбарда.

– Чем могу помочь? – вежливо спросил Вурдок, с небольшой ухмылкой рассматривая своих подопечных.

– У меня есть несколько вопросов относительно вашего старого товарища – мистера Барни Хикокса.

– А вы, собственно, кто? – недовольно поинтересовался Вурдок, сверля Бара глазами.

Чеширски аккуратно, чтобы лишний раз не нервировать своих друзей, вытащил значок и показал его Вурдоку.

– Бар Чеширски. Детектив. Мне следует пригласить юриста? – спокойно спросил Вурдок, опустив глаза в бумаги.

– Пока не стоит, я ведь тут в качестве гостя. Зачем нужно вызывать вас в участок и отрывать от дел, если можно просто прийти и поговорить, как товарищи.

– Насколько мне известно, детектив, Барни работает в доках на Арчи Толстопуза. Если уж быть откровенным, – сказал Вурдок, оторвавшись от бумаг, видимо, заинтересовавшись его предложением о товариществе, – думаю, вам следует потрясти ваших друзей – котов, может, они вам что-то и скажут.

– Я общался с ними. Они утверждают, что Барни якобы уволили, – с грустью сказал Бар, рассматривая комнату, – поэтому я решил, что он пришёл к вам.

– Ну и зачем мне он тут нужен? Я веду честный бизнес, у меня и так хватает проблем, а Барни – одна ходячая проблема, и я очень рад, что отделался от него ещё тогда, когда он затянул меня в эту опасную авантюру.

– Вы про ограбление?

– Про ограбление.

– А зачем вам такая охрана, мистер Вурдок?

– Что за глупый вопрос, детектив? Здесь не самый благополучный район. У вас это последний вопрос? Я бы хотел поработать ещё.

Бар понимающе кивнул. Он не верил Вурдоку ни на грамм, ощущая ложь всей кожей и точно зная, что Барни здесь. Возможно, даже за дверью в ближайшую комнату. Цель визита была именно в этом – прочувствовать волка в овечьей шкуре.

– Да, вопросов больше нет, мистер Вурдок. Вы, как я вижу, действительно занялись прибыльным делом и было бы неправильно попусту отвлекать вас. Всегда приятно, когда бывший преступник отошёл от дел. Что ж, может мне и правда пора оставить вас в покое, – сказал Бар, направляясь к двери.

Два барана пошли следом, грубо пыхтя ему в затылок. Встав возле двери, Бар вдруг обернулся и как бы невзначай заметил:

– Но если вдруг вы его скрываете, то понимаете, что сокрытие преступника – тяжкое преступление, и вы сядете? Это вам ведь ясно, так?

Баран снова поднял на него глаза. Смотрел, не мигая.

– Естественно, детектив. Я все прекрасно понимаю.

– Хорошо, обязан был вас предупредить, – сказал Бар и вышел за дверь.

Глава десятая. Большая кошка

«Очень трудно выследить кошку, особенно, если она этого не хочет и особенно, если это происходит ночью. Правдивей даже сказать, что это сделать практически невозможно, если дело касается баранов, с их медлительностью и слабым ночным зрением» – подумал Чеширски и, прислонившись к холодной стене, отодвинулся глубже в тень.

Луна осветила улицу. Её мягкий свет был чарующе прекрасен. Мягким касанием он преобразовывал обычные улицы в нечто поистине потрясающие и этим сильно отличался от дневного собрата, не терпевшего полутьмы, высвечивавшего абсолютно все.

Бар посмотрел на крышу и почувствовал, что хочет встать во весь рост и пройти по ней, дойдя до самого конца и, быть может, перепрыгнуть на другую крышу. Какое странное желание для полицейской кошки – прыгать по старым крышам.

Тем временем Вурдок со своими двумя помощниками вывел прихрамывающего Барни на улицу. Бар немного выдвинулся, чтобы лучше рассмотреть своего подопечного. Оказалось, Барни прихрамывал не зря – на боку красовалась повязка. Чеширски снова отсел в тень. Сейчас главное было не спугнуть. Слишком уж много времени он потратил на этого кота с его беготней по городу.

Записав номер машины, Бар спустился к ожидавшему его таксисту. В этот раз он поступил умнее и выбрал в качестве шофёра престарелую львицу, которая не задавала вопросов и ездила без фар. Правда, острые глаза, наверное, единственное, что осталось у неё от бывлой кошачьей силы. И всё же, найти такую кошку в такси – редкая удача. Видимо, полная луна всегда благоволила кошачьим.

– Желательно, чтобы они нас не заметили, – тихо сказал Бар, указывая на машину.

Львица кивнула. Затем мягко тронулась с места, словно машина была её сплошным хищным продолжением. Без фар, спокойно, она сумела проехать практически весь путь, оставляя Чеширски лишь восхищаться столь искусной ездой. Благо, машин в это время было не так много, как обычно, да и бараны постарались выбрать наименее популярную забитую дорогу.

Выехав на шоссе, машина Вурдока проехала около сорока миль, после чего съехала в сторону старого завода. Львица тут же остановила машину и выключила мотор. Всё также мягко и аккуратно.

– Там тупик, – тихо сказала она.

Чеширски посмотрел в сторону бывшей фабрики по производству кошачьего корма. Он даже вывески разобрать не мог. Видимо, у львов действительно зрение лучше, чем у обычных кошек.

– Подождёшь меня?

– Вот номер, как закончишь, позвони.

Бар посмотрел на мятый клочок бумаги. Это была не визитка, стало быть, она давала его далеко не всем. Ох уж эти львы, с ними всегда всё очень сложно. А с этой и подавно, ведь лев, работающий таксистом – это вообще какой-то нонсенс. Но Бар понимал, что она быстрее удавится, чем начнёт ему исповедоваться в своих жизненных проблемах.

– Спасибо, мэм, – он протянул триста долларов. – За риск и за услуги. Надеюсь, мы продолжим наше сотрудничество. По-хорошему, я бы вас к нам в штат взял – таких водителей поискать надо.

– Я довольна своей работой, – бросила она, принимая деньги и заводя машину.

– Удачи в дороге, – сказал Чеширски, вылезая из машины.

Старый форд тихо двинулся с места, всё так же не включая фары. Бар проводил автомобиль взглядом. Сложно, почти невозможно было объяснить это чувство – чувство сильнейшего благоговения, которое ощущала любая кошка мелкой породы перед львами, тиграми, леопардами, ягуарами. Все они словно подавляли его, ставя себя на природное возвышение в иерархической жизненной цепи. И, что самое главное, они почти ничего не делали для этого. А уж какой с ними секс, такое и вовсе забыть нельзя...

Чеширски тихо вздохнул и, проверив барабан револьвера, направился в сторону фермы. Ему ещё следовало Барни по стене размазать и выбить признание в убийстве. Что мо-

жет быть важнее этого? И всё же, он снова посмотрел вслед уехавшему такси. Большие кошки действительно удивительные создания.

Глава одиннадцатая. Барни

Как он и думал, бараны задержались. Всё же, медлительность у этих копытных в крови. Бар даже слышал, что именно поэтому их старались не брать в полицейские академии. Был случай, когда один баран целый год задерживал дело лишь потому, что медленно оформлял бумаги.

Наконец, они вышли. В безмолвной темноте три тени, комично топтавшиеся на месте, даже несколько пугали, словно это были не обычные звери, а странные инопланетяне, прилетевшие с Марса. Подобной походкой ещё могли похвастаться пингвины – крайне пренеприятные существа. По статистике, среди пингвинов самое большое количество маньяков-рецидивистов.

И, тем не менее, чем же, интересно, Вурдок так был обязан Барни? Вряд ли это просто дружба. Да и эта повязка у Барни... Очень сильно было похоже на огнестрельное ранение, наспех забинтованное. Но откуда? И вряд ли это бараны Вурдока, иначе Барни был бы связан. А если в Барни стрелял кто-то ещё, то, стало быть, укрывать его у себя Вурдок мог лишь по очень серьёзному желанию помочь, которое никак не вяжется с его хитрой бараньей мордой ростовщика.

Бар, не удержавшись, прошелся по крыше и перепрыгнул на противоположную. Затем спрыгнул на землю и по-кошачьи тихо подкрался к чёрному ходу. Барни хоть и был мел-

кой кошкой, но вести себя с ним надо было очень аккуратно, как-никак, он загнанный в угол кот.

Внутри было тихо. Только небольшой огонек виднелся возле диспетчерской, где и промелькнула тень худого кота. Бар двинулся вперед, обходя световые участки. Надо было застать убийцу врасплох, чтобы не пришлось применять оружие. У них должен был получиться откровенный разговор, а не безжалостная пальба.

– Да, мне срочно нужно свалить из города, ты мне должен, дружище, – расслышал он слова Барни, ходившего по диспетчерской. – Мне плевать, как ты это сделаешь, ты даже не представляешь, как всё накалилось, эти мудаки меня чуть не убили. Плюс этот чертов детектив со своей дурацкой вендеттой. Послушай, если ты не поможешь, я сдам всех. Ты это понимаешь? Я сдам всех.

Затем Барни замолчал, слушая оппонента. Бар подошёл вплотную к двери.

– Да, мне нужно завтра уже быть в Чайтауне, там меня встретят. Вурдок подкинул мне денег, так что расплатиться со всеми хватит. Этот баран здорово перепугался, когда я ему все вывалил – обожрался на своем ломбарде, так теперь трясётся по любому поводу.

Наконец, Барни попрощался и убрал телефон, встав возле большого окна, всматриваясь в пустоту ангара. Понимая, что дальше укрываться глупо, Бар распахнул двери и резким ударом сбил Барни с ног. Барни, кряхтя, поднялся на колени,

но Бар снова приложился по его морде сапогом, на этот раз отправив кота в легкое забытье.

– Вот и не надо ехать в Чайнатаун, дружище-котище, – замурлыкал Бар и, обшарив Барни, вытащил из-под его ремня старый кольт, который положил на стол. Затем был нож и небольшой стилет – запасливый кот, по-видимому, готовился к самой настоящей войне.

Тем временем, сознание начало медленно возвращаться к Барни. Перевернувшись на бок, он сплюнул кровь и несколько зубов, с трудом раздвигая разбитые губы. Боль ещё не пришла к нему, так как он даже не стонал.

– Ах, ты ж, сука, – выдавил Барни. – Ты кто такой вообще?

– Я думал, ты меня узнал, Барни.

– Нет.

– Эх, видимо, ты у нас популярный злодей и все тебя поймать хотят. Видно, уже запутался в пришедших тебя избить. Давай, открой мне тайну, кому ты ещё дорогу перешёл.

– Да пошёл ты.

– Какой ты отчаянный, – Бар посмотрел по сторонам и увидел большие металлические щипцы. Этот завод идеально подходил для выбивания информации из подобных уголовников.

Бар поднялся и, толкнув подымающегося Барни, взял инструмент. Медленно он зажал Барни палец, после чего сдавил его так, что тот зашёлся в крике.

– Ты думаешь, я тебя арестовывать буду? Ты меня не зна-

ешь, котят-убийца, таких ублюдков, как ты, я кончаю на месте.

– Каких котят, придурок? Я не убивал никаких котят, – заорал Барни, пытаясь разжать свободной рукой клещи.

– Как каких? Вспоминай! Сары – твоей подруги, ты же сам топил их, мразь.

– Я этого не делал, они вообще не мои, это котята Мучи Альфонски, этого поганого пса, главы Парацефтикал!

У Бара моментально всплыл Джорски, с его чертовым пропуском, надо же, как всё интересно закручивается. Выходит, что Мучи – глава Парацефтикал, а Джорски исчез именно в их дверях. Стало быть, вот к кому он бегал в тот раз.

– Мучи Альфонски – пёс! Ты что несешь, как вообще от пса могут быть котята? – буркнул Бар.

– Не знаю. Он изнасиловал её, я сам в это не верил, пока у неё не появился живот. Я думал, она врёт, чтобы не работать у него.

– Дальше.

– Дальше я случайно сболтнул об этом на работе. Сильвестр это узнал, вызвал меня к себе, стал расспрашивать, что и как. Их очень заинтересовало это. Сказали, чтобы я расспросил её побольше.

– И?

– Она не знает, как это случилось. Просто забеременела и все. А дальше он сказал, чтобы я выкрал их и отдал. А потом мне уже вернули мёртвых. Я не убивал их. Я просто отнёс

их к дому Мучи. Он должен был сам открыть двери после звонка, но появилась эта дура – его жена. Никто не думал, что она там появится, понимаешь? Это послание было именно Мучи.

– Кто убил котят? Кто именно?

– Я не знаю, мне отдали уже мёртвых.

Бар вздохнул и раздвинул щипцы. Барни испуганно попятился к стене, защищаясь свободной рукой. Окровавленный, испуганный, он вовсе не был похож на убийцу. Скорее – на тупого кота, непонятно как очутившегося в сложной ситуации. Но другого выхода у Чеширски не было, а информация была нужна именно сейчас, и он сделал шаг вперед.

– Я не знаю, правда, не знаю. Я этого не делал.

– Ты даже не стал спрашивать, кто убил котят твоей девушки? – сдерживая злость, прошипел Бар, в бешенстве поджав уши и отбивая хвостом пол.

– Да нахрена мне эта сука?! – не осознав причины злости Бара, закричал Барни. – Какое мне дело до того, кто её трахает, и от кого она залетела? Мне просто надо было у кого-то перекантоваться, вот и всё, а у неё – и хата, и деньги.

– И теперь, когда ты запорол всё, ты решил свалить?

– Да я же говорю, это собака не должна была ничего знать. Когда Толстопуз узнал это, он был в бешенстве! Он любит, чтобы всё было аккуратно. А тут всё пошло наперекосяк.

– А кто убрал Шаха?

– Кого? – испуганно шаря глазами в разные стороны,

спросил Барни.

– Детектива, взявшего дело. Не зли меня, Барни, я не хочу повторять все вопросы, – процедил Бар, еле сдерживаясь. – Кто заказал Шаха?

– Я... я не знаю, я... ааа! – заорал Барни, когда Чеширски снова прищемил ему палец – Я не знаю, чёрт тебя возьми, я не знаю! Может, Толстопуз, может он, а?!

Бар на время ослабил хватку, дав Барни облизать окровавленный палец. Жалкий, забившийся в угол, кот вызывал у него чувство омерзения – из-за таких вот котов порода и портилась.

– Кто убил Шаха Пятницкого? – как можно спокойнее спросил Бар, но хвост всё равно выдавал его злость.

– Я не знаю, слышал лишь, что Толстопуз бесился из-за него. Парень слишком рьяно взялся за дело, это никого не устраивало. Ни Арчи, ни Мучи не хотели огласки, им обоим было выгодно убрать его.

– Почему тебе помогает Вурдок?

– У меня на него есть небольшой компромат. Поэтому жадный баран и помогает. Да и ему просто выгодно, чтобы я исчез, тут всё слишком сильно завертелось. Я не знаю, но Толстопуз тоже очень нервничает из-за всего этого, мне кажется, он влез не туда, куда надо. Если он меня решил убрать, то явно кот чувствует, что паленый хвост.

– К нему кто-то приходил? Говори.

– Да. Обезьяны. Эти, как их, с ними был ещё такой худой

шимпанзе, разговаривает тихо, вежливо, но в глазах дьявол поселился – жуткий тип. И вот тут уж я хвостом почувствовал, что надо драть когти. Вырубил провожатого, словил под ребро разрез, но всё же удрал.

– Стало быть, обезьяны. Что ещё? Говори. Чем больше я знаю, тем больше внимания переключат на меня. А значит, тебе будет легче сбежать, – мягче заговорил Бар, убирая в сторону щипцы.

– Я всё сказал, правда, я не убивал котят. Их убили ребята Толстопуза. Вроде, по приказу Сильвестра.

– Сделай мне одолжение, скажи, кто конкретно лапы замарал.

– Я не знаю, я всего лишь доставщик. Отпусти меня, а? – умоляюще обратился к нему Барни с заискивающей кровавой улыбкой. Бар поморщился и отошёл. Он и так собирался это сделать – мараться об этого изношенного кота не доставляло никакого удовольствия. К тому же, теперь ему следовало меньше рисковать, когда на горизонте замаячили такие серьёзные игроки, как обезьяны. Другое дело, если Барни поймают, он всё расскажет об их откровенной беседе. Но это уже неважно – так даже лучше. Не пристало детективу бояться уголовников.

– Иди, – тихо сказал Бар, – и в твоих же интересах как можно быстрее исчезнуть. Особенно теперь.

Барни медленно поднялся и, развернувшись, стал открывать двери. Бар поднял колыт. Барни вздрогнул и остановил-

ся. Бар лишь аккуратно вытащил обойму и пулю из ствола, наблюдая, как дрожит спина безусого Барни.

– Ты кое-что забыл. Держи, – бросил он ему пистолет под лапы, – может, пригодится. Теперь ты такая же мишень, как и я, кот.

Барни присел и подобрал оружие, после чего вышел вон. Взглядом Бар провожал его до самой двери. Он почему-то был уверен, что видит Барни в последний раз.

Глава двенадцатая.

Леопард. Енот. Утопец

Когда в доках нашли труп Барни и телефон голосом Милтона потребовал срочно приехать на место преступления, Бар достал сигарету и прикурил. Конечно, доки – это территория его участка, но всё же как он ненавидел, когда в его утренние дела вмешивалась Мафия. Почему она не могла выбрать более удобное для него время?

Бар пошёл на кухню и достал сухой корм. Задумчиво посмотрев на него, засунул в микроволновку. Пять минут и вот уже готовый питательный завтрак, разве что немного отдавало мылом, которое он сбил свежесваренным кофе. Одевшись, Бар критично осмотрел свой пиджак. День – два ещё протянет, если без приключений.

Приехав в доки, Бар сразу почувствовал, что там неспокойно. Этому благоприятствовала сама атмосфера района, куда редкий репортёр совал свой нос. Толстопуз прессу очень не любил, и если журналисты всё же просачивались в доки, то тут же с ними случалось какое-нибудь досадное недоразумение. То в морду дадут, то камеру отнимут, а то и сломают что-нибудь.

Бар подошёл к Майеру Ласки – черному леопарду, крайнему редкому виду среди полицейских кошек. Большие кошки, как правило, предпочитали более серьёзное положение в об-

ществе и редко отсиживались на малых должностях.

– Что тут у нас? – спросил Бар, вглядываясь в набухший труп Барни.

– Утопленник. Захлебнулся, судя по всему, – ответил Майер, со скучным видом поглядывая на море.

– Ран нет?

– Изувеченные пальцы на лапах и всё. Больше вроде ничего. Сейчас Джек осмотрит, расскажет более детально.

– Ты не в настроении?

– Да. Марджи опять с утра все мозги проела, ненавидит она эту работу, просто шерсть дыбом встает. То воняю трупами, то выгляжу усталым, то денег мало – просто вынос мозга.

– Да уж, с самками сложно. Это факт.

– Думаю, надо разводиться. Достало всё это.

– Ну, как вариант.

– Слышал, ты котятами занялся. Ну как, нашел этого мудака?

– Да вроде это вот он.

– Да ладно, надо же, – Майер повернулся в сторону Барни, – водой убивал, в ней же и помер. Или помогли?

– Помогли, Майер, помогли. Джек, что с трупом? Есть что-нибудь особенное? – спросил Бар, подходя к судмедэксперту Джеку Портко – старому сварливому еноту.

– Не ори мне на ухо, я и так все прекрасно слышу. Ты ещё от теней прыгал, я уже тут работал. Орёт он... – забурчал

старый енот.

– Джек, не сердись, ты ж мне как отец родной. Смотри, вот я тебе чашечку с кофе захватил, всё, как ты любишь, специально в Арчкс заехал. Думаю, надо дедушке кофе достать, с молочком, как он любит.

– Ай, проходимец, – миролюбиво заметил енот, приняюхиваясь к запаху кофе. Ну ладно, что ты хотел?

– Хотел узнать, когда умер наш герой.

– Ну, если мой глаз меня не подводит, то дышать он перестал примерно около часу ночи. Видимо, его пытали, потом кинули в воду, где он и отдал концы, – сказал Джек, бережно беря стаканчик с кофе.

– Точно? – Бар наигранно нахмурился.

– Ты хочешь сказать, что я тупой и не понимаю в медицине? – глаза Джека зло заблестели.

– Так, так, так, всё нормально. Я просто задал тупой вопрос. Это у меня бывает: тупая кошка – тупой вопрос. Спасибо, дядя Джек.

Бар поднялся и пошёл в сторону машины. Как он и предполагал, Барни не смог прожить даже один день. Но мёртвый Барни лучше живого. Странно, правда, что его просто утопили, а не помучили перед смертью. Неужели он настолько был им не интересен? Видимо, да.

Стало быть, Толстопуз решил подчистить концы, а значит, затевалась очень крупная игра. Бар завел мотор – пора было заехать к хозяевам Сары, а то что-то он слишком долго иг-

норировал их.

Глава тринадцатая. Богатые звери

Бар посмотрел вверх. Дом и вправду был шикарен. Высокий, с колоннами – все как в кино. Бар поднялся по невысоким белым мраморным ступенькам и постучал в дубовые двери. Гул прошёлся внутри дома такой, как будто там была целая подземная пещера.

– Добрый день. Вам назначено? – раздался голос из небольшой колонки возле двери.

– Это детектив Чеширски. Мне необходимо задать несколько вопросов Эльзе Альфонски, – ответил Бар.

– Подождите минуту.

Бар закурил, но докурить не успел, так как двери открылись, и показался слуга в чёрном костюме, широко округливший глаза при виде сигареты.

– Эльза ждет вас в гостиной, прошу, следуйте за мной, – с достоинством проронил он.

– Да, да, уже иду, – ответил Бар и, оглядевшись, затушил окурок в одной из клумб с цветами.

Высокие мраморные стены, цветная мозаика на полу, листья папоротника, стеклянный потолок, через который падали прямые лучи солнца – всё было настолько шикарно, что Бар невольно залюбовался интерьером, едва не сбив резко остановившегося слугу.

Бар посмотрел вперед. Перед ним стоял толстый низко-

рослый пёс, тоже вроде колли, только сильно откормленный. Скрививши старую морду и выставив вперед жирные лапы, на которых красовались золотые с изумрудами кольца, он недовольно посмотрел на слугу, затем на Бара.

– Это ещё кто? – пробубнил толстяк, потуже завязывая широкий шелковый пояс на коротком халате.

– Детектив Чеширски, мистер Мучи, – вышколено ответил слуга.

– И что он тут делает?

– Миссис Эльза изволила поговорить с ним.

– А, это по поводу техдохлых кошек под дверью, всё никак не уймётся глупая самка, – задумчиво заметил Мучи, рассматривая перстень на пальце.

– Вы о своей жене? – мягко спросил Бар.

– О служанке, которая убирала здесь.

Мучи поднял на него глаза. Взгляд был не злой, скорее любопытный. Затем он посмотрел на слугу и устало зевнул, раскрыв пасть шире, чем следовало. Бар улыбнулся, всё же эти нувориши никак не могли скрыть свою подлинную натуру. Пусть даже и обзаводились дворцами.

– С вами тоже надо будет поговорить, только несколько позже, – заметил Бар.

– Я-то здесь причем? – удивился Мучи. – Меня даже дома не было в тот день.

– А где вы были?

– Всё через юриста, детектив. Если Эльза хочет с тобой

общаться – её право, моего желания тут нет.

– Я чаще общаюсь без желания моих подозреваемых.

– А я уже стал подозреваемым?

– Да. С этой секунды.

– Слышится, как угроза.

– У собак слух хороший.

– Вы хоть понимаете, с кем разговариваете, детектив?

– С подозреваемым.

– Нет, детектив. Вы разговариваете со зверем, который один может содержать десять таких участков, как ваш, и чьи налоги составляют большую часть вашей зарплаты.

– Понимаю. И всё же. Даже с такими деньгами вы не смогли сделать хороший дом. Ведь, по сути, тут лепнина, не сравнить с настоящими старинными домами, которые простояли больше столетия. Тонкий вкус не купить, он воспитывается в поколениях аристократов, – заметил Бар.

Мучи ничего на это не сказал, просто пошёл прочь. Заметив, что господину разговор не интересен, слуга облегченно вздохнул и повел Бара в благоухающую зеленую оранжерею.

Эльза была в серых рабочих штанах, сером фартуке и перчатках. Сидя возле одной из клумб, она окапывала саженец дерева, одновременно разрыхляя почву для хорошего полива. Услышав приближение гостей, она повернулась, вытерла лапой пот и, мило улыбнувшись, указала лапой на небольшую скамейку.

– Здравствуйте, детектив. Как видите, застали вы меня несколько занятой. Скажите, вы всегда приходите без приглашения?

– Нет, так совпало. Проезжал мимо вас, решил, что можно зайти.

– Гай, вы свободны, спасибо большое, – мягко сказала она, отпуская слугу.

– Я смотрю, у вас тут целый сад, – заинтересованно сказал Бар, разглядывая высокие листья папоротников.

– О да, это моя гордость. Мучи потратил целое состояние, чтобы привезти их сюда. Ох, он у меня такой душка.

– Да, мы познакомились по дороге сюда, – сказал Бар, не отвлекаясь от широкого листа. Казалось, он просто дышит свежестью.

– Это у него просто плохое настроение, так бывает, когда что-то не так с его работой.

– Да-да, так бывает. Эльза, скажите, а вы знаете Брэда Джорски?

– Кажется, да. Это такой неприятный полицейский. Он должен был вести дело про котят, но он мне не понравился и, как мне показалось, он совсем не заинтересован в этой истории, – грустно сказала она.

Бар улыбнулся – эта собака ему начинала нравиться, что было крайней редкостью в его работе. Он снова посмотрел на папоротник. Почему его так влекло к нему? Вроде он не дикий, а вполне воспитанный кот, но всё же ему так хотелось

раствориться в этих зарослях.

– Вы тоже это чувствуете? – заинтересованно спросила Эльза.

– Да, есть немного, – ответил Бар, проведя лапой по листьям.

– Я тоже чувствую. Только здесь я по-настоящему отдыхаю. Город – это не для нас. Я уверена, в нас больше дикости, чем мы на самом деле думаем.

– Знаю, я каждый день с этой дикостью встречаюсь, – грустно заметил Бар, убирая лапу с листка.

– Извините, я забылась, я тут слишком расслаблена, – виновато сказала Эльза. – Пойдемте, я угощу вас чашечкой кофе на веранде, заодно переоденусь.

Бар кивнул и примерно через полчаса они уже сидели за небольшим плетеным столиком на большом балконе, откуда открывался прекрасный вид на город. Эльза сама разливала кофе, так что кроме них там никого не было. Делала она это крайне изящно, каждое движение было отточено до совершенства.

– А чем вы занимались до брака? – поинтересовался Бар.

– Училась, а потом сразу свадьба. Я и поработать толком не успела. Получила степень доктора наук по лингвистике и всё.

– Что ж так?

– У моего отца был небольшой пивной завод, располагавшийся на месте одной из фабрик Мучи. Объёмы были

небольшие, и мы были на грани разорения. Тогда-то Мучи и приехал к нам с предложением выкупить землю под строительство своей фабрики. Предложение было щедрое, отец сразу согласился. Я помню, я тогда вынесла им кофе, вот он и заметил меня.

– И поступило ещё одно предложение?

– Да. Мучи долго не раздумывал, сразу сделал две сделки: одна – покупка фабрики, другая – покупка дочери, – грустно сказала Эльза.

– И вы не сопротивлялись? – спросил Бар, откинувшись на стуле и посмотрев по сторонам.

– Меня всю жизнь учили слушаться, так что – нет. Свыклась понемногу, да и Мучи не такой уж плохой муж, он обеспечивает меня всем, а это сейчас редкость. Сами знаете, как живут многие, у некоторых и еды-то нормальной нет.

– Всё равно это очень печально. Клетка обычная или золотая, разве это изменяет её сущность?

– Я привыкла.

– Скажите, а он изменял вам?

– На этот вопрос я обязана отвечать?

– Нет, конечно, нет. Но это желательно, у меня есть определённые подозрения, которые я в интересах дела не могу вам раскрыть.

– Ох, и как же измена моего мужа может помочь делу?

– Эльза, если не хотите отвечать, не отвечайте.

– Нет, если для дела, – она лукаво улыбнулась. – Ничего,

я взрослая девочка, детектив. Выдержу и такие вопросы. Да, он изменял, у него много поклонниц. Богат, успешен, как тут мимо пройти?

– Видимо, поэтому вы нанимали в свой дом кошек?

– Частично. Впрочем, вы и без меня, детектив, знаете, что это порой никого не останавливает, – грустно сказала она.

Бар внимательно посмотрел на нее. Красивая, умная, грустная. Что-то в ней было такое, что напоминало ему его жену Жанни. Он инстинктивно потрогал свой черный медальон. Странно, может, переселение душ и вправду возможно?

– То есть, вы знали об их связи с Сарой?

– И?

– Скажите, как именно относился ваш муж к тому, что кошка забеременела? Да и как вообще это возможно?

– Не знаю, детектив. Я плохо разбираюсь в анатомии зверей, но уверена, она забеременела не от него, это просто невозможно, – резко ответила Эльза и, мягко улыбнувшись, добавила:

– Мне кажется, вам уже пора.

Глава четырнадцатая. Хензо

Бар сидел в небольшом кафе на углу улицы и медленно пил кофе, аромат которого смешивался с табаком и местным фирменным печеньем, изготовленным в виде мишек. Здесь он встречался со своим информатором, крысой Хензо, которого он когда-то спас из крепких кошачьих лап толстопузовских верзил. Хензо был ценным источником, работал из благодарности, денег не просил, а его информация была хоть и запоздалой, но зато достоверной.

Бар налил ещё немного кофе. В этом районе в это время повстречать кого-то из уголовников в кондитерском кафе было почти так же невозможно, как и наткнуться на акулу в пустыне – место было почти идеальным. Он посмотрел в окно и тут же заметил свою крысу. Да и как его не заметить – Хензо сильно отличался от своих собратьев: во-первых, он всегда приятно пах, во-вторых, всегда ходил в опрятной, чистой, слегка вызывающей одежде. Как и в этот раз, когда он пришёл в ярко-красном в чёрную клетку costume.

– Господин полицейский, как же я рад вас видеть, – хлопнул в ладоши Хензо, усевшись напротив Бара.

– Господи, ты, наверное, самый странный информатор из всех, – помотал головой Бар, разглядывая костюм Хензо, который ухитрился даже цветочек вставить в верхний карман. И как его такого ещё не убили, уму непостижимо. – Как дела

в гангстерской жизни?

– Да живем помаленьку, иногда, конечно, грустно немного, но депрессии, как таковой, нет, – мягко протянул Хензо, убирая лапы со стола, чтобы официантка поставила вторую чашку. – И салфетки принеси, милочка.

– Я слышал, ты опять с кошками поцапался.

– Да, у нас это, наверное, на роду написано. Что ж, теперь они уже не такие милые, как некоторые, – Хензо улыбнулся своей обезоруживающей крысиной улыбкой.

– Ай, перестань. Ты знаешь, я этого не люблю. Давай лучше сразу к делу. Мучи Альфонски. Может, у тебя есть что-нибудь на него? Скажем прямо, необычное.

– Слушай, Чеширски, не юли. Говори, что знаешь, это поможет мне скоротать время.

– Хорошо. Если вкратце, то мне интересна возможная связь между Арчи Толстопузом, Мучи Альфонски и нашим общим знакомым – детективом Джорски.

– А ты легких задач не ставишь, как я посмотрю.

– Это ещё не всё. Мне также необходима информация о контактах всей троицы с шимпанзе.

– Постой, с шимпанзе?

– Да, с шимпанзе.

– Подожди, мы сейчас ведь говорим не о милых маленьких обезьянках, а об этих отморозках?

– Именно о них.

– Постой, и они связаны с этим Арчи Альфонски?

– Возможно, Хензо, черт тебя подери. Я точно не знаю, иначе зачем мне просить тебя искать на них информацию? – начал сердиться Бар.

– Послушай, ты знаешь, я тебя люблю, братишка. Но шимпанзе – это очень серьёзно. Давай ими займутся федералы. Эти ребята сотрудничают с картелями, а это, сам знаешь, какие ребята. Ты подумай, если уж картели не стесняются их нанимать, воюя с военными, то что говорить о полицейском детективе со своей вендеттой? Бар, ты понимаешь, что я говорю?

– И что? С каких пор ты начал бояться?

– Я всегда был осторожен. И одно дело – сливать тебе мелких кошек, а другое дело – лезть на крупных ребят. А что, если я накопаю на нечто большое, Бар? Что дальше? Ты перебьешь всех шимпанзе?

– Давай, ты накопаешь, а там уже решим, что делать. В любом случае, ты можешь спрыгнуть, когда захочешь, я от тебя геройства не требую. Это нужно лично мне, понимаешь?

– Бар, это всего лишь котята.

– Именно так, котята. Хензо, остановимся на этом.

Хензо тоже посмотрел в окно. Затем, когда принесли чай, понюхал его приятный аромат, перемешивая его с запахом ещё живого цветка у себя на костюме. Потом он снова посмотрел на Бара с каким-то странным выражением морды.

– Знаешь, я тебя всегда уважал. Ты уже, наверное, понял, что я работаю с тобой не из-за долга – по факту, он давно

выплачен. Только вот ты в меньшинстве. В вашей норе полно информаторов, так что тебе будет крайне трудно скрыть свои результаты работы. Если Толстопуз залез в мокрое дело, то это означает, что кому-то очень важно скрыть все улики. Ты же понимаешь, что, продолжая биться головой, ты подвергаешься опасности и эту спившуюся кошку?

– Я не пойму, ты меня отговорить пытаешься?

– Нет, я хочу знать, что у тебя в голове, Бар. Я твой друг, и я не хочу, чтобы ты глупо подставился. У меня ведь не так много друзей.

– Ты только сильно не переживай. Просто это моя работа – ловить преступников. Я больше ничего не умею, да и не хочу уметь.

– Иногда это путь в никуда.

– Значит, такая судьба, дружище. Но я коп, я должен расследовать преступления.

– Я просто не понимаю. По всей видимости, котят утопил именно Барни, зачем копать на троицу?

– Я любопытный кот. Мне интересно, что связывает моих знакомых. Всё просто.

– Ладно, Чеширски, – Хензо встал и протянул лапу, – держи хвост пистолетом, решил, так решил. Дай мне день.

– А раньше никак?

– Ты, конечно, мой любимец, но у меня и другие дела есть. За день ничего страшного не произойдёт, привыкай своим умом работать, детка, – Хензо подмигнул.

Бар крепко пожал лапу Хензо и улыбнулся. Хензо всё-таки был хорошим парнем, хоть и крысой.

Закончив с кофе, Бар расплатился, подкинул щедрых чаевых и вышел на улицу. Кафе находилось на отшибе, почти на самом краю городской черты. Он потянулся во всю ширь своих могучих плеч. Эх, работа. Как же иногда хотелось вот так взять и свалить куда глаза глядят. Не оглядываясь, не сворачивая – просто ехать вперед, повинуюсь зову дикой природы внутри себя. Тут Бар увидел, как на него заворужено смотрит щенок, увидев его оттопырившуюся черную кобуру. Затем, видимо, всё-таки набравшись смелости, спросил:

– Сэр, вы полицейский?

– Ага, – Чеширски заговорщически запахнул пальто и, присев на корточки, спросил:

– А ты тоже хочешь им стать?

– Да, сэр.

– Тогда это первая проверка. Никому не говори, что видел меня тут. Хорошо?

– Да, сэр, – тихо сказал щенок, смотря на пальто.

– Молодец. Ведь первое правило копа – не сдавать других копов, верно? – подмигнул Бар и запрыгнул в проезжавший мимо трамвай.

Щенок ещё долго смотрел ему вслед и лишь тогда, когда трамвай полностью скрылся из виду, снова сел на велосипед и закрутил педали.

Глава пятнадцатая. Вторая встреча

Бар стоял перед дверью Сары в некой нерешительности. С одной стороны, он должен был к ней приехать, он же детектив, ведущий дело гибели её котят. Он должен приехать и расспросить её о связи с Мучи Альфонски. Но с другой, что-то мешало ему расспрашивать эту обезумевшую от горя кошку.

Секс с собакой, мертвые котята, как вообще можно нормально задать подобные вопросы, которые, несомненно, должны прозвучать для полноты картины. Ведь вызывать на допрос сейчас Мучи Альфонски глупо, к такому зверю надо подкрасться уже с определёнными фактами, чтобы было мало вероятности сбежать с полицейского крючка.

Бар протянул лапу, чтобы постучать. «Не ври сам себе, она тебя чем-то зацепила» – снова пробежалось у него в мозгу. – Да-да, эта захлебнувшаяся алкогольным беспамятством кошка чем-то смогла зацепить тебя, Бар. Может, ты вспомнил свое детство?»

Бар убрал лапу. То, о чём он давно наказал себе не вспоминать, странным образом всплыло перед ним. В очередной раз. Явно, жестко. Когда он, маленький, ещё совсем котенок, сумел выбраться из мешка и сделать спасительный вдох, в то время как семеро его братьев пошли вниз. Бар стиснул зубы, снова память играла с ним в эту чёртову игру. Но картинки

было уже не остановить. Они летели одна за другой, возвращая его обратно в старый занюханный дом мрачного детства.

Мать сидит на кровати и плачет. Рядом с ней отчим, который орёт на неё, а затем бьёт с размаху лапой и тут же удивлённо смотрит на него. На мокрого, трясущегося, еле сумевшего найти дорогу домой. Качаясь, он садится прямо посреди дверного проёма, не в силах подняться и сделать всего пару шагов к матери, которая, увидев его, забыла и о крови, стекающей с её мягкой волосатой морды, и о внутренних переломах, из-за которых она умрёт на следующее утро.

Сейчас она отталкивает отчима и обхватывает сына руками, в то время как мерзкий кот бьёт её по спине ногами, охаживая со всех сторон. Но мать не кричит, она лишь тихо урчит, защищая его, согревая, не давая снова умереть. Ему тепло, он чувствует, как ещё вздымаются её легкие, как в её тёплой шерсти он может крепко свернуться и уснуть. И снова, снова он обретает покой, пусть даже еще несколько часов назад его отчим, собрав его с братьями в один мешок, выкинул в сточную канаву, где, захлебываясь, они увидели смерть.

Бар заметил, что сидит на лавке. Что он уже отошёл от двери и взгляд уперся в разбитую бутылку из-под виски перед домом Сары. Он улыбнулся, он всегда так делал, это помогало. Не так, как алкоголь, но все же помогало, добавляя немного позитивности в его жизнь. Мать. Он очень отчётливо помнил последние минуты её жизни, помнил, что она уже

не дышала, как он выбрался из-под её мохнатой шерсти и терся до тех пор, пока не потерял от голода сознание.

Он выкарабкался. Несмотря ни на что, вырвал свою жизнь, вырвал, благодаря жажде жить. Он справился, как и хотела этого мама, он выжил. Она могла бы им гордиться, снова так же улыбаться и радоваться, снова греть его своим мягким мехом. О, да. Всё могло бы быть именно так, если бы уже тогда он вцепился в глотку этому ненавистному коту, который должен был заменить ему отца.

Но ничего, убудка сейчас не достать, так как он отсиживает десятилетний срок в Махтайне – тюрьме строго режима на юге США. Наверное, он даже сам не так ждет своего освобождения, как этого хочет детектив Чеширски, считающий каждый день заточения Майкла Брона – вора-рецидивиста.

– Детектив, с вами всё хорошо? – раздался мягкий голос.

Бар повернул морду – Сара смотрела на него через полуоткрытую дверь.

– Да. Всё хорошо. Вот решил немного отдохнуть, – тихо сказал он.

– Так вы проходите, я тут немного прибралась, – сказала она немного виноватым тоном. У меня сейчас получше, так что можете смело входить внутрь.

Бар поднялся и улыбнулся. Можно подумать, он боялся беспорядка в её квартире. Картинки его детства снова отступили куда-то в тень. Так даже лучше, он и так слишком долго смотрел на них.

– Присаживайтесь. Знаете, извините за то, что вам пришлось увидеть. Я немного не в себе была, мне так неловко, вообще это на меня не похоже, – суетилась Сара, наливая ему лимонад.

Бар не мог скрыть улыбку, он даже не понимал, что его веселило, ведь по факту перед ним – начавшая пить кошка, которую изнасиловал пес, а после её котят утопили. И во всем этом безумстве он почему-то улыбался. Может, это потому, что она тоже хочет жить, всё так же ищет силы, чтобы выбраться из окружающего её говна? Прямо родственная душа.

И всё же, она соврала ему. Хотя за что её осуждать, ведь не будешь же всем кричать, что тебя насиловал пёс, а твой парень просто пользовался тобой ради удовольствия, вместо того, чтобы защитить. Но ложь он очень не любил.

Бар огляделся. В доме она заметно прибрала, помыла пол, убрала бутылки. Эх, кошки, кошки, как же вы любите чистоту. Это просто внутри нас. Пожалуй, кошки да еноты – вот самые чистоплотные животные этого мира.

Бар отхлебнул холодного лимонада. Вода была кипяченной, видимо, Сара не решилась размещать сточные воды. Что ж, за это отдельное спасибо. Лакать вонючую воду с лимоном – не самое приятное занятие.

– Как ваше расследование продвигается? – вежливо спросила она, сев напротив и сложив лапки на коленях.

– Да понемногу идем к цели, – Бар поставил стакан и вытер волосатую морду. – А вы как? Я смотрю, здесь сильные

перемены со времени моего прошлого визита.

– Да, я... – Сара смутилась.

Бар снова улыбнулся. Как же быстро она изменилась. Где то чудовище, с которым он схлестнулся всего лишь несколько дней назад? Почему сейчас перед ним мягкая робкая кошечка, прячущая глаза от стыда? Неужели она и была такой или это очередная маска самки?

– Не продолжайте, я всё понимаю, Сара. Я должен вам задать ещё несколько вопросов, как бы мне этого не хотелось. Но я обязан, это часть моей работы. Поймите, я должен найти убийцу, и сделаю я для этого всё.

Сара смотрела прямо ему в глаза, словно уловила что-то и пыталась понять причину столь огромного желания распутать это преступление. Она нахмурилась, затем снова опустила глаза и голову, то ли кивая, то ли качая ею.

– Я знаю, что Барни не имеет никакого отношения к вашим котятam, более того, я уверен, что это дело лап Мучи Альфонски. Правда, не понимаю, как это произошло, но я доберусь до истины. Надеюсь, вы мне в этом поможете, Сара.

– Вы всего лишь детектив с пистолетом. Один зверь... – тихо сказал она, не поднимая головы. – Вы ничего не сможете найти и сделать.

– Я – кот, Сара, кот-детектив. Я не просто зверь, я опасный зверь, – он взял её лапы в свои и нежно потёр их. – Нужно слишком много зверей, чтобы остановить меня.

– У них они есть, детектив. И даже больше, чем нужно.

– Вы переживаете за полицейского?

– Я переживаю за вас. Вы хороший, я не хочу, чтобы вас убили, детектив. Я хочу всё забыть и начать с чистого листа. И вам тоже это советую. Разве вы не понимаете, что вы ничего не можете?

Она хотела было вытащить свои лапы, но Бар удержал их. Мягко, но сильно – так, чтобы она даже не пыталась сделать это ещё раз.

– Есть вещи, которые нельзя прощать. И которые я лично не могу простить. Не важно, кому – миллионеру или нищему. Я знаю, вы не верите закону, но вы можете довериться мне. Мы вместе заставим этих зверей заплатить за это преступление. Но для этого мне нужна ваша откровенность, Сара. Расскажите мне все, что слышали и видели, и тогда я смогу вам помочь.

– Вы всё равно их не вернете, – сказал она, и слезы потекли по её шерсти.

– Этого я и не пытаюсь сделать. Я детектив, моя задача – не допустить повторения подобного.

Сара подняла на него взгляд. Наверное, именно ради таких взглядов он и делал свою чёртову работу.

Глава шестнадцатая. Милтон

Бар посмотрел на диктофон – девочке пришлось порядком собраться, чтобы начать выкладывать свою историю. Признания об изнасиловании или домогательстве всегда плохо шли у женщин, поэтому часто детективы брали диктофон, чтобы потом они не передумали и не попытались соскочить. Отказы от подобных заявлений – не редкость.

И, всё же, он так и не включил его. Он уже почти вытащил его, даже положил руку в карман, но только лишь смотрел в её большие глаза и думал, что даже алкоголь не смог её испортить. Ни алкоголь, ни издевательства, словно это изящный цветок, пробивающийся сквозь мокрый асфальт.

– Бар. Зайди ко мне в кабинет, – крикнул Бронкс, открыв двери офиса.

Чеширски поднялся со стула. Он так и не понял, что ему делать с Сарой, ведь, по сути, она пойдет как свидетель, а ему очень не хотелось вызывать её в участок. Он зашел в кабинет Бронкса и закрыл за собой дверь.

– Как продвигаются дела? – мягко поинтересовался Милтон.

– Нормально всё. Что ты хочешь, Милтон? – резко ответил Бар.

– Хочу узнать, чем занимается мой детектив. Я и так на многое закрыл глаза, но ты же должен понимать, что долго

это не может продолжаться. Это полиция, дружок. Мы должны расследовать дела.

– Я всё изложу в отчёте.

– Конечно, изложишь. Но пока скажи, что с твоими делами, почему там всё буксует? Ты опять занимаешься не своим делом? Это ведь территория тридцать седьмого участка. Мне этот Джорски все уши прожужжал. Совсем никого не стесняется. Говорит, ты мешаешь следствию. Лезешь везде.

– Барни выловили на нашей территории.

– О, да. Я слышал, что нашли труп некого Барни, кажется, парня этой, как её, Сары, чьих котят, кстати, и выловили. Это он их убил?

– Предположительно – да. Подозрение было на нём. Пока он не захлебнулся.

– Подожди, предположительно? И что же, мой лучший детектив до сих пор это не выяснил? – ухмыльнулся Милтон.

– Как я выясню, если он мёртв? Это не так просто.

– Ну, тогда вызови эту Сару, опроси её, почему я должен тебя учить. У нас полно нераскрытых дел, меня всю штурмует начальство, а мой детектив занят непонятно чем.

– А как же Шах?

– Им занимается внутренний отдел. Ты же знаешь. Но если у тебя появились какие-нибудь ниточки, то ты можешь мне об этом рассказать.

– Ниточек не особо много. Барни мёртв, сейчас вот жду экспертизу.

– Она у меня на столе. Этого парня пытали перед смертью. Причем довольно безжалостно. Все пальцы ему размололи.

– Бандитский район – бандитские нравы. Он, кстати, работал в доках на мистера Толстопуза, вполне вероятно, что у него чего-то не хватает на лапах.

– В общем так, детектив. Вы ещё пока полицейский, а я ещё пока капитан, извольте подчиняться и не отвлекаться на посторонние дела. У вас слишком большой застой, а ведь убийства не прекращаются.

– Да какие убийства-то?

– Аддо Свинценелли из мясной лавки. Между прочим, вполне приличная свинья была.

– А если я возьму два дела?

– Не надо со мной торговаться, детектив.

– Хорошо. Завтра я постараюсь нарыть что-нибудь. Дай мне время, Бронкс. И это... Может, я пойду? А то не люблю я тут сидеть, атмосфера какая-то неприятная.

– У меня? Атмосфера? – Милтон поднял глаза и удивлённо уставился на Бара, затем посмотрел на свои выставленные на подоконнике цветы. Чеширски вдруг понял реакцию начальника – тот уже полгода как растил в своем офисе несколько горшков с цветами.

– Я не о цветах, шеф.

– Выйди из кабинета, пожалуйста, – обиженно сказал Милтон, умиротворённо погладив цветок на столе своей пушистой лапой. – Лимит твоего присутствия рядом со мной на

сегодняшний день исчерпан.

Прежде чем выйти, Бар остановился в дверях и посмотрел на Милтона. Несмотря ни на что, капитан сильно рисковал, позволяя ему вести дело котят. Ведь фактически он несколько ему не мешал, наоборот, просил, чтобы он торопился. Ну да. Вызвал в кабинет, придавил немного, а что ему ещё делать?

– Спасибо, капитан. Я знаю, вам сейчас непросто. Мне нужно совсем чуть-чуть времени.

– Иди уже, – тихо сказал Бронкс.

Бар снова откинулся в кресле и, заложив лапы за голову, стал размышлять. Итак, Мучи изнасиловал Сару, непонятным образом она забеременела, затем об этом узнал Толстопуз и через Барни подложил ему его же мёртвых котят под двери их дома. Но тут вмешалась госпожа Случайность и всё пошло не так. Их увидела Эльза, которая тут же пошла в полицию, и дело подхватил Шах. Затем Шах умирает, и дело берет Джорски, который то и дело бегают к Мучи с отчетами о ведении расследования. Только вот с Толстопузом Мучи договориться не смог и решил, что будет проще, если вместо него это уладят обезьяны, которые сходили к жирному коту и тот им, видимо, разрешил утопить бедного Барни. А почему только его? Вполне возможно, что обезьяны прихватили и Шаха, ведь ежу понятно, что Толстопуз не рискнёт убивать полицейского – слишком уж аккуратный. Стало быть, все трупы – это дело лап обезьян. Тут вроде бы сомнений нет.

А вот знал ли Толстопуз, что Мучи работает с обезьянами и если знал, то чем же таким его привлёк несчастный капиталист? Он что, решил пойти против самых отмороженных бандитов в городе? Что такого он прячет у себя на фабрике или дома? По идее, ответ на этот вопрос должен принести Хензо.

А если не знал? Может, это был обычный мелкий шантаж, обернувшийся для толстого кота обезьяньими неприятностями. И тут уже ничего необычного нет – сотрудничество с криминальными элементами практикуется у многих корпораций, так сказать, для решения внештатных проблем. Проще обратиться к ним, чем в полицию. Ну, зачем же, например, полиции знать, что Мучи спит со служанкой, а, точнее, насилует её? Проще позвонить своим решительным друзьям, которые устранят проблему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.